

ВАРВАРА УВАРОВА

НЕРАЗРЫВНОСТЬ

Хроника двух перерождений

Варвара Уварова

**Неразрывность. Хроника
двух перерождений**

«Грифон»

2020

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

Уварова В.

Неразрывность. Хроника двух перерождений / В. Уварова —
«Грифон», 2020

ISBN 978-5-98862-539-1

Существование каждого человека является чередой непростых и неизбежных решений, принятых в иллюзорном изобилии возможностей. И самый непростой выбор – как распорядиться собственным временем? Ведь, в отличие от всего остального, его у нас немногим больше, чем у человека, жившего столетия назад. Как понять, что стоит потратить свою жизнь не на большие достижения и новые открытия, а на сохранение достигнутого, защиту слабого, лечение своей и чужой боли? Нужна глубинная мудрость, чтобы залечить застарелые раны, не поддаться безумию гордыни и стяжания и почувствовать наконец, что желанно душе на самом деле. Иногда для этого необходимо почувствовать, что ты в этом мире не одинок, набраться смелости и пройти сквозь невыносимую боль, поскольку попытки идти против собственной сути могут кончиться совсем не так, как было задумано. И результат подобного безрассудства иногда бывает неожиданным, а порой – фатальным. Но жизнь, как и каждое её мгновение, даётся только один раз.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-4

ISBN 978-5-98862-539-1

© Уварова В., 2020
© Грифон, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	21
Глава 4	30
Глава 5	46
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Варвара Уварова
Незрывность. Хроника
двух перерождений

© В. Уварова, 2020

Глава 1

Бессилие

День клонился к вечеру. Над городом повисли мрачные тучи. В небе уже глухо рокотала стихия, изредка разгоняя ранние сумерки всполохами молний. Воздух, казалось, сгустился и пришёл в движение. Листва стала тёмно-зелёной, тяжёлой и угрожающей. Прохожие спешили скрыться от непогоды под крышами домов, тревожно вскидывали головы и судорожно встряхивали открываемые зонты. Поток машин иссякал после вечернего часа пик. Белые башни кремля вдалеке темнели всё сильнее, постепенно сливаясь с набрякшим водой лиловым небом. Купола погасили своё солнечное золотое сияние, отдав главенство массивным толстым стенам церкви, которые казались ещё холоднее и неприветливее. Город готовился к грозе.

И гроза началась. Под раскаты грома и свет молний вода стучала по крышам, с шипением обрушивалась в реку, смывала с асфальта мусор. Водосточные трубы извергали потоки на тротуары, под ноги задержавшимся прохожим. Решётки канализации, захлёбываясь, принимали в себя дождевую воду. Стихия терзала листву, обдирая и ломая ветви. Ливень смывал грязь, убирал лишнее, дарил городу влажный блеск чистоты и свежий запах, уничтожая городской смог.

Я спряталась от разыгравшейся непогоды под красивым кованым балконом на одной из главных улиц города. В который раз опаздывала на работу, и меня это сильно расстраивало. Если бы не гроза, я бы обязательно успела. Да, вышла на пять минут позже, чем должна была, но я бы успела! Пускай бегом, пускай пришла бы в последний момент, но была бы в кафе вовремя. А теперь? Вряд ли мне Сан Саныч поверит, что я забыла дома зонт.

Ну почему именно когда я тороплюсь, со мной вечно что-то случается? То ключ в замочной скважине застрянет, то каблук сломается, то молния на сумке разойдётся... Как будто весь мир ополчается против меня! Но самое обидное, что каждый раз, когда я пишу Сан Санычу объяснительные о причинах опозданий, он читает их с таким видом, будто всё, что со мной происходит, – полная ерунда. А потом тяжело вздыхает и молча и укоризненно смотрит на меня поверх своих очков с униженной жалостью. Он что, не понимает, что я не специально? Да и Галя потом полдня шипит, что ей целых пятнадцать минут пришлось отдуваться за двоих. После такого всю смену расслабиться невозможно: в наказание за своё опоздание мне приходится прикрывать её отлучки, причём в самое загруженное время!

Ненавижу!

Я раздражённо вздохнула. День обещал быть таким хорошим! Когда я проснулась, ещё светило солнце и ощутимо припекало. Но стоило мне собраться на прогулку – небо затянуло тучами. Сразу пропало настроение выходить на улицу, и я осталась дома, закуталась в плед от хмари за окном и смотрела сериалы до самого выхода. И вот, так хорошо начинавшийся день закончился таким ливнем!

Я хмуро покосилась на небо. Непогода постепенно утихала. Монотонный шорох дождя по крышам превратился в тихую дробь отдельных капель. При мысли о том, что меня ждёт сегодня вечером, стало как-то нехорошо на душе. Я ужасно устала от этой работы. Как бы мне хотелось целый день сидеть за офисным столом, перекладывая всякие бумажки, а в обеденный перерыв смотреть кино и пить кофе. Или иметь любимого мужчину, который сможет обеспечить жильём, одеждой и вкусной едой свою любимую женщину, то есть меня.

Но для того, чтобы с комфортом осесть в офисе, нужно высшее образование и опыт работы, при получении которых сильно теряешь в деньгах, а мне ещё выплачивать кредит на машину. А сказочных рыцарей, судя по моему опыту, на свете не существует.

Дождь перешёл в хроническую стадию, и смысла ждать его окончания не было. Я натянула куртку на голову, поудобнее перехватила сумку и, проклиная ужасно неудобные каблуки, потрусила к кафе.

* * *

На кухню я влетела, опоздав на полчаса, и сразу же наткнулась на Сан Саныча. Он укоризненно посмотрел на меня, тяжело вздохнул, отчего его густые чёрные усы зашевелились, и, медленно развернув своё грузное большое тело, протиснулся в маленькую дверь кладовки. Оттуда послышался шорох снимаемых коробок.

Я, стараясь не стучать каблуками, на цыпочках прокралась к раздевалке. В этой небольшой комнате вдоль одной из стен стояли шкафчики для одежды, вдоль другой – длинная лавка, в углу сгрудились швабры и притулился маленький умывальник. Я стянула с себя куртку, скинула туфли, затолкала внутрь своего шкафчика вещи, завязала волосы в хвост на затылке, сунула ноги в балетки и обернула талию завязками длинного фартука. Пока привычно мыла руки перед работой, взглянула на себя в зеркало. Из его глубины на меня глядело простоватое лицо с круглыми азиатскими скулами. Отметив оставленные ночными бдениями синяки под глазами, я заправила выбившуюся прядь за ухо и поспешила в зал.

В дверях кухни я столкнулась с Галей. Увидев меня, она раздулась от негодования. Посуда на подносе, который она держала в руках, возмущённо зазвенела. Её и без того пышная грудь поднялась и расправилась, брови сошлись на переносице, а глаза загорелись праведным гневом.

– Саша! Ты где пропадала? Я тут полчаса ношусь без единой секунды покоя! Народу прорва, а ты шатаешься непонятно где! У меня шесть столов заняты уже, за третьим на меня наорали! Я не знаю, почему Сан Саныч на это глаза закрывает, но я не позволю тебе на меня всю работу сваливать! – Галя прошла к мойке, с силой опустила на стол поднос с жалобно звякнувшей посудой и стала загружать тарелки в посудомоечную машину. Белобрысый хвостик на её затылке нервно подрагивал, как хвостик взбешённой мелкой собачонки. – Я получаю такую же зарплату и не собираюсь спускать с рук твоё безделье! Если Сан Саныч тебе потакает, то я буду разговаривать с Никитой Семёновичем! Он на тебя управу найдёт!

– Галь, прости меня, пожалуйста! Я не специально, просто забыла дома зонтик! Не могла же я идти без зонта в такой ливень! Спряталась, где смогла, и стояла, пережидала...

– Испугалась промокнуть, подумаешь! Под дождём не растаяла бы, не сахарная! – заворочала, постепенно успокаиваясь, она. Разогнулась, потёрла поясницу. – Мне часов в десять отойти надо будет. Ненадолго. Одна в зале останешься, слышишь?

– Хорошо, – буркнула я и толкнула дверь в зал. Как всегда, за мои ошибки меня строже всех отчитывает Галя. Но работать с ней всегда было очень удобно: когда нужно, она всегда меня прикрывала, хотя и в долгу не оставляла ни разу.

Мне казалось, что после такой сильной грозы в облаках должно было совсем не остаться воды, но нет: в стёкла часто ударялись крупные капли. На самом деле сегодня вечером в зале было не так много народа, как утверждала Галя: в такую непогоду люди предпочитали оставаться дома. И только задержавшиеся прохожие пережидали вновь начавшуюся грозу с чашкой горячего питья, да подвыпившая компания из четырёх мужиков гудела и хохотала на всё кафе.

А за столиком у окна сидела парочка. На вид им было лет по двадцать. Они скинули на соседний диван промокшие куртки. Рядом лежал букет красных роз в целлофане, на котором ещё блестели капли дождя. Девушка мягко льнула к парню, положив голову ему на плечо. А молодой человек смотрел в телефон, изредка показывая девушке что-то особенно забавное. Она смотрела на него исподлобья, не поднимая головы, казалось, она хотела запомнить каждую его чёрточку. Когда он показывал ей что-то на экране, она быстро опускала взгляд, мельком

пробегая глазами, и снова поднимала ресницы, чтоб незаметно, почти немигающим взглядом следить за своим любимым. Он был красив, стильно одет и имел хорошее телосложение. Я понимала эту девушку. Даже больше: мне отчаянно хотелось быть на её месте. Я смотрела на них и чувствовала холод у левого плеча – именно левым плечом девушка прижималась к тёплому боку своего молодого человека. Я безумно хотела так же прижаться к кому-нибудь, кому не всё равно, есть я на белом свете или нет. Я хотела почувствовать то, что чувствует сейчас она: нежность, трепет и тепло. Я хотела почувствовать его дыхание на своём лице, осязать ладонью нежность его фланелевой рубашки, касаться его шершавой от пробивающейся щетины щеки. Я хотела вот так просто сидеть с красивым молодым человеком в кафе и не думать о том, что у меня нет денег, чтобы в это кафе зайти. Хотела приносить домой со свиданий красивые яркие розы – безусловный признак сердечной привязанности – и до следующего свидания, глядя на них, вспоминать о том, что есть на свете человек, которому хорошо оттого, что хорошо мне.

Наконец, мне не хотелось больше засыпать одной, чтобы до утра бояться сводящей меня с ума темноты.

Я отвернулась. Сердце в груди глухо бухало, хотелось плакать от жалости к себе. Но нельзя: до дома, где можно позволить себе любые чувства, ещё шесть часов работы и глухая предрассветная муть туманного утра.

Жалость к себе разбудила злобу на мир. Ну почему некоторым по жизни достаётся всё хорошее, а мне – сплошные неприятности? Почему большинству достались нормальные семьи, а я выросла без отца? Я до десятилетнего возраста боялась мальчиков, потому что не понимала, что они за порода людей такая! До шестнадцати лет у меня даже парня не было – я не могла и слова в ответ вымолвить. Все подружки уже с мальчиками ходили в обнимку, а я была одна, как бракованная. Почему в свои двадцать с хвостиком лет я осталась без матери? Очень многим моим сверстникам родители помогают морально и финансово, а мне приходится выживать каждый день. Почему мне за всю жизнь ни одного нормального парня не встретилось – доброго, порядочного, милого... Попадают либо придурки, которые сначала все жилы вытянут, а потом – ищи-свищи ветра в поле, либо похотливые козлы, которым только одно и нужно. Причём вторые обычно доставляют намного меньше головной боли и проблем.

Я взяла поднос и отправилась на кухню за очередным заказом. Снова появилось тошнотворное ощущение, что жизнь кончится завтра. А время замедлится так, что завтрашнее утро настанет через долгие годы. Что больше не будет ничего: ни новых посетителей, ни следующей зарплаты, ни новых знакомств, ни приключений, ни любви, ни друзей. Что этот миг останется и, насмехаясь над всеми моими попытками что-либо изменить, протянется до самой моей смерти. Что всю оставшуюся жизнь будет лить дождь и подниматься пар от кофейных чашек. Что я врасу в застывшее время, как в камень, что волосы до утра поседеют, а спина – согнётся. Что время будет идти, но ничего не изменится.

Я нагружала поднос так быстро, как только могла, убегая от времени, которое становилось тягучим, как кисель.

Я привычно толкнула тяжёлую дверь в зал. За угловым столиком сидел презентабельного вида мужчина и что-то просматривал на планшете. Сердитая морщинка возникла между бровями, у губ уже залегли складки, делающие рот жёстким и сухим. Он казался таким серьёзным. Он был намного старше меня и выглядел слишком холёным для обычного мужчины. Даже удивительно, что он забыл в нашей забегаловке, находящейся достаточно далеко от делового центра. Контингент нашего кафе состоял из отдыхающих и туристов, потому что оно располагалось близко к основным достопримечательностям города. А он был совсем не похож на туриста. Такие не ходят на экскурсии, у них и без того дел много.

Расставляя тарелки на его столике, я незаметно опустила глаза на его руки. Ухоженные, блестящие ногти, лёгкий загар, волосатые запястья... и отсутствие обручального кольца. Не

было даже продавленного или светлого следа. Значит, холост. Я усмехнулась про себя. Может быть, это мой шанс, и сегодня моя жизнь, наконец, изменится?

Подавая тарелку, я будто ненароком коснулась его руки. Он нервно дёрнулся и поднял голову. Сердитая складка между бровей обозначилась ещё резче.

Я мягко улыбнулась:

– Мне можно забирать меню? Или ещё что-то хотите заказать?

– Спасибо, ничего, – резко ответил мужчина. Он раздражённо схватил салфетку и начал тщательно протирать руки.

– Приятного аппетита, – ответила я, чувствуя, как улыбка сползает с моего лица. Я забрала меню со столика и отошла к стойке.

– Саш, коктейль для второго столика готов, забери! – Паша, наш бармен, перегнулся через стойку, заглянул мне в лицо и с издевательской улыбочкой вполголоса поинтересовался: – Что ты такая грустная? Опять не фартит на личном?

От этого всеми обиженного поганца ничего не укроется.

– Тебе какое дело? – огрызнулась я. – Неужели сам на того мужика глаз положил?

Натянутая улыбка сползла с лица Паши, сменившись откровенным презрением. Я развернулась и ушла на кухню. Мне было так худо, что его поддёрвки, вызванные моим давним отказом принять его ухаживания, не могли сделать ещё хуже.

Даже злость в душе от недостатка сил сдулась. Я чувствовала себя невероятно уставшей. Хотелось забраться под стол и уснуть под шарканье подошв. Я зашла в закуток за холодильником и, прислонившись спиной к стенке, закрыла на секундочку глаза. От напряжения снова разболелась поясница. До рассвета ещё целых два часа, ещё два часа до того момента, когда я окажусь дома и можно будет провалиться в блаженный, тяжёлый, как смерть, сон.

– Саша! Ты чего тут? У тебя всё хорошо? – Галя, проходя мимо, случайно увидела меня за холодильником. Её рука, уже поднятая, чтоб толкнуть дверь в зал, медленно опустилась. На предплечье другой руки она держала поднос с доброй полудюжиной стаканов с пивом. – Ты себя нормально чувствуешь?

– Да, всё нормально, через пару минут подойду, правда, – сдавленным голосом ответила я.

– Саш, ну ты чего? У тебя что-то случилось? – Галя приткнула поднос на ближайший стол и протиснулась в мой закуток. – Расскажи мне быстренько.

– Да ничего не случилось, устала просто, – я едва сдерживала слёзы.

– А чего реветь тогда? Потерпи, смена закончится, домой придёшь – выспишься.

– Это не поможет, – я хлюпнула носом.

– Почему же?

– Я от собачьей жизни устала, Галь, – я больше не могла сдерживаться – вцепилась ей в руку, уткнулась в плечо и тихо разревелась. – Устала от того, что посетители на меня смотрят как на мусор. Конечно, у них есть хорошая работа, они не должны стоять навтыжку перед другими людьми, стараясь во всём им угодить. Устала от постоянной нехватки денег: всю мою зарплату сжирают квартплата и кредит на машину. А я не хочу так жить! Я хочу замуж, Галь, за хорошего, доброго мужика, который будет меня гладить по голове и помогать. Я так устала быть одна!

Галя вытащила из кармашка фартука салфетку, сунула мне в руку и раздражённо стряхнула меня со своего плеча.

– Ты действительно устала. Только твои проблемы – ерунда по сравнению с проблемами других. У тебя руки-ноги целы, ты, в общем, здорова, у тебя нет необходимости ухаживать за инвалидом или за маленьким ребёнком. Пока ты молодая и относительно свободная – тебе бы жить да радоваться! И вообще, ты на работу ходишь не отдыхать, а дело делать, и за это дело тебе деньги платят. А на эти деньги ты и покупаешь себе всё, что твоя душа пожелает, в том

числе и машины. Так что успокаивайся и иди в зал, – она вышла из закутка, подхватила поднос со стаканами и толкнула дверь, оставив меня наедине со своими мыслями.

Я сидела у стенки и чувствовала жгучий стыд за то, что проявила слабость. Мне стало ещё хуже от её жестоких слов. Но Галя права. Кто об этом мог знать лучше неё? Она воспитывает сына одна после развода. Сейчас она кормит и одевает мальчика, а раньше кормила и одевала ещё и мужа. Правда, ей со своей пенсии помогает её мама, но пенсии у стариков такие маленькие, что порой приходится уже Гале давать деньги матери на лекарства. Неудивительно, что у неё такой суровый характер. Ей необходимо быть жёсткой, чтоб люди, которых она любит, могли позволить себе быть чуть более беззаботными.

Всё, хватит себя жалеть. Я высморкалась в салфетку и, опустив глаза, чтобы моё зарёванное лицо никто не мог увидеть, прошмыгнула в раздевалку. Там, наскоро умывшись, я попыталась замаскировать следы своего позора, но получилось плохо. Нос распух, покраснел и забился. Даже если не обращать внимания на неестественный цвет носа и его излишне округлую форму, меня выдавало насморочное хлюпанье, которое подавить я не могла.

Ну и чёрт с ним. Усталость сменилась абсолютной опустошённостью. Только бы закончилась эта ночь! И я приду домой. И дома будет светло и тихо.

Я снова вышла на кухню и подхватила поднос с чайником, который уже совсем остыл. Вышла в зал и пошла ко второму столику. За ним сидел мужчина с мокрыми волосами. Промокший плащ лежал на соседнем стуле. Видно, он совсем промок и замёрз под дождём. А я принесла ему почти остывший чай. Мне стало стыдно. Я остановилась, не дойдя двух шагов до столика.

– Извините меня, я на минуточку, – развернулась на каблуках и вернулась на кухню. Вылила немного остывшего чая в раковину и долила кипятка. Молоденький повар, который работал у нас третью неделю, косо наблюдал за моими действиями, но молчал. Руки немного дрожали, я суетилась: боялась, что Сан Саныч поймает меня за этим занятием.

Клацнув крышечкой по чайнику, я подхватила поднос и поспешила в зал. Мужчина с мокрыми волосами удивлённо смотрел на меня. Я поставила чайник, пожелала приятного аппетита и вернулась на кухню.

* * *

На кухне царила тишина. Сан Саныч ушёл домой пораньше, оставив молоденького повара за главного, так как зал был уже практически пуст. До начала дневной смены осталось двадцать минут, и всё ненадолго погрузилось в покой. Помещение, казалось, отдыхает от суеты прошедшей ночи. Я взяла свою куртку, подхватила табуретку и пошла к заднему выходу. Открыла дверь, села, закутавшись, на пороге. Закурила. Я нечасто достаю из сумки сигареты, только когда на душе совсем паршиво. Затяжной ливень наконец закончился. Стоял промозглый туман, сквозь который не пробивалось ни одного солнечного луча. Но, судя по голубому оттенку тумана, начинающийся день обещал быть ясным.

Трёхцветная кошка, моя давняя знакомая, прибежала на скрип открывающейся двери. Она потёрлась о мою ногу и хрипло мяукнула.

– Ну чего ты мяучишь? Нет ничего для тебя, – я затаилась и стряхнула пепел. Кошка кинулась к месту, куда упал пепел, но, сообразив, что это несъедобно, подняла голову и снова жалостливо мяукнула. Это полное надежд ожидание было невыносимо. Но идти за молоком было лень.

– Ну прекрати, у меня правда ничего нет! – я ещё раз всласть затаилась, но настойчивое мяуканье испортило мне удовольствие. Она посмотрела на меня, дёрнула пару раз хвостом и села. Я подумала, может быть, она на самом деле очень голодна. Всё равно наслаждение от краткого покоя было испорчено. Щелчком пальцев я отправила окурочек в ближайшую лужу.

– Ладно, – вздохнула я. – Жди, сейчас что-нибудь принесу.

Вернувшись на кухню, я залезла в холодильник и, подумав, украла кусочек ветчины. Быстренько нарезав угощение на неровные кусочки, положила его на пластиковую крышечку от сметаны и вынесла кошке.

Она ждала меня и, когда я появилась, мгновенно утратила напускное достоинство уличной кошки, начав, как обычный домашний питомец, путаться в ногах. Я поставила крышечку на землю и почесала её за ухом.

– Неуютно тебе жить на улице, но зато никто тебя не трогает. Гуляешь где хочешь, спишь где хочешь, делаешь что хочешь. И ничего тебе за это не будет. Наверное, здорово быть кошкой. Даже бездомной.

Я разогнулась и поглядела на часы. Ровно. Пора собираться домой. Дома меня ждут тёплая постель, лёгкое утро и мёртвый сон. Наконец-то!

Глава 2

Презрение

Я сидел в плетёном кресле, устало откинувшись на спинку, и прихлёбывал остывший чай. На сегодня, пожалуй, хватит.

Всё утро заканчивал драпировку к заказному портрету. Этот заказ можно было бы считать удачей, если бы с ним не возникло столько хлопот. Один далеко не бедный человек увидел у нашего общего знакомого одну из моих работ и захотел, чтобы именно я написал портрет его новоиспечённой жены. Недели две назад он привёл свою «красавицу» ко мне. Я полдня бился, чтоб она приняла более-менее достойную позу. Выражение лица у неё было настолько глупое, что тут пришлось ситуацию исправлять самому. Я бы не заморачивался, но заказчик очень просил написать портрет со вкусом. Я не мог его разочаровать – он за эту работу заплатит мне, как платят за два месяца труда на моей постоянной работе. Я уже предчувствую, как будет разочарована его жена: впервые за много лет увидит у себя на лице столь старательно вытравливаемый ум. Каждое утро, небось, проверяет в зеркале, чтоб интеллект на лице не отпечатался, попортив его, как морщинки.

Стареть я, что ли, начал? Раньше смешно было смотреть на всё это. А теперь злоба какая-то берёт, морализм глупый лезет...

Просто тоскливо и мерзко с такими работать. Пустые, грубые и эгоистичные люди. Они живут, закидывая в дыры своих душ всё новые и новые удовольствия, тщетно пытаюсь обрести хотя бы подобие счастья. Только кто им объяснит, что счастье к внешним обстоятельствам имеет мало отношения?

А ещё тоскливее, что общество этих людей элитарно. Что каждая девочка мечтает быть настолько красивой и изысканной, чтоб по праву занять своё место рядом с очередным денежным мешком и жить «долго и счастливо» без возможности расслабиться, потому что неизменно будут женщины и симпатичнее, и моложе. А каждый мальчик ищет возможность нажиться любым способом, чтоб быть окружённым такими восхитительными женщинами, которым без своих денег он совершенно не нужен.

И как будто не существует на свете пожилых безымянных поэтов, что по ночам гуляют в соломенных шляпах, играя с припозднившимися прохожими в шахматы. Или художников в вечно испачканной красками одежде, со странными манерами и отрешёнными взглядами, маниакально ищущих красоту в окружающем. А учёные, что ценой времени всей своей жизни толкают прогресс вперёд? Где эти люди? Почему отовсюду на нас смотрят пустые и самоуверенные лица актёров, бизнесменов, политиков?

Сейчас не в моде созидать. Детей с младых ногтей воспитывают, что надо создавать, чтобы потреблять. Хочешь получить какую-то вещь – заработай на неё. Отсиди положенное время на ненавистной работе, пошевели конечностями, сделай опостылевшую, непонятную, ненужную тебе работу... И получи деньги, которых достаточно никогда не будет, и ты будешь вынужден всю жизнь жить от зарплаты до зарплаты.

Хочешь зарабатывать больше? Создай свой бизнес! И всё равно, что это будет, лишь бы дело приносило деньги. Ты станешь его рабом, забудешь про покой и сон, будешь прятать по углам собственного дома огнестрельное оружие. А ради чего? Ради того, чтобы однажды обнаружить, что желания типа «купить» не бесконечны?

Так и во всём остальном. Хочешь семью? Найди женщину, подари ей цветы, своди в ресторан, сыграй свадьбу. Всё, ты заплатил за неё, остался только ежемесячный взнос на самообслуживание. И ты можешь неограниченно пользоваться всем спектром услуг: уборка, секс, воспитание твоих детей... А женщины, наоборот, за работу по дому и услаждение мужа поку-

пают возможность не работать. И семьи рушатся, потому что ничего не было в них, кроме потребительских отношений. Люди продают свои тела, своё время, свои души, чтобы получить то, что никогда не сделает их счастливыми.

Дёшево продают, дёшево!

Есть только один способ вырваться – задуматься. Только задумываться страшно. Потому что сделать это – значит, отречься от всего, чем жил много лет, от принципов, которыми руководствовался, от всего, во что верил. И, главное, что придёт взамен? Пустота, сосущая и страшная бессмысленность бытия и отсутствие иллюзий по поводу собственной ценности. И свобода. Потому что отныне можно самому решать, что важно. И как сложится твоя судьба.

И после раздумий для меня поменялись местами цели и средства. Много лет я потребляю, чтобы создавать.

Разве какой-нибудь учёный с крошечным окладом, работающий в разваливающемся здании на оборудовании середины прошлого века, делает это только потому, что ему больше идти некуда? Вряд ли. Он сидит в своей лаборатории, отрешившись от окружающего мира, окунувшись с головой в расчёты и теории. В его мире нет иной жажды, кроме жажды дать шанс на существование тому, чего пока никто не видит, кроме него. В своей лаборатории, как в маленькой вселенной, он местное божество, вольное мановением руки и мысли созидать и разрушать.

Я потёр лоб и вымученно улыбнулся в пустоту мастерской. Что-то я ворчать много начал, какие-то отвлечённые теории строю, как оторванный от жизни старик. Ну и что, зато живу так, как мне хочется.

Я отказался от высокооплачиваемой работы, которой не хотел заниматься. Переехал в этот город и устроился на нерегулярную работу, чтобы у меня было больше времени на свои дела. Благо помогло спортивное прошлое. Иногда, правда, переппадают заказы на портреты, но я обычно не слишком много за них получаю. Картины, которые писал не на заказ, я зарёкся продавать. Они в материальном мире хранят осколки моей души. Я сознательно отказался от семьи и серьёзных взаимоотношений, потому что ни одна женщина не будет счастлива, если она лишняя в мире мужчины, ни один человек не заслуживает друга, которому наплевать.

Через полгода после переезда, когда бытовые дела наладились, я заметил, что стал рано вставать, потому что больше не было необходимости выдирать себя из-под одеяла – мне захотелось просыпаться и проживать каждый день. Через год заметил, насколько не пресыщенный избытком человек радуется любой материальной мелочи: поймал себя на том, что радуюсь новым брюкам сильнее, чем когда-то радовался новой машине. У меня пропало ощущение, что я теряю время, потому что больше я его не терял.

Я стал гулять по улицам, внимательно следя за прохожими, выискивая отражения мыслей и чувств на каждом лице. Я разговаривал с незнакомцами, искал странных приключений и встреч. Я был открыт миру и пытался заставить мир быть открытым ко мне. Но люди оберегали свои крошечные, заплесневелые мирки. Меня часто не понимали, ругали, боялись, пару раз я даже был бит. Но меня это не волновало. Мне было всё равно.

К сожалению, пока я боролся с миром за собственную свободу, я совсем забыл об одной очень существенной детали – одиночестве.

Когда я почувствовал, что рамки и ограничения, которые устраивают общество, мешают смотреть и видеть, думать и мыслить, делать и создавать, что они натирают душу в самых нежных местах, я решил этими рамками пренебречь. Выйти за них. Сломать, наконец. И стать самим собой.

И я оказался не готов к тому, что я такой, какой есть на самом деле, просто никому не нужен. Одних начал напрягать мой излишне пристальный взгляд. Решили, что я увижу что-то лишнее, если буду смотреть на них немного внимательней. Многие люди привыкли к мимолётному взгляду, которым обычно проверяют, смотрит на них собеседник или нет. Они воспринимали других как штативы с прожекторами глаз. Эти прожектора, пыша жаром, ежесекундно

нависают над ними своей стеклянной тяжестью, а они, как артисты на сцене, ярко освещены вниманием других людей. Только сам артист ничем не отличается тех, кто освещает его своими взглядами.

Хм, интересная идея, могла бы получиться хорошая инсталляция.

Других стали не устраивать мои новые ориентиры. Некоторые бывшие друзья во время ночных посиделок на кухне с пеной у рта доказывали мне, что нужны деньги, нужна карьера, нужны женщины, а иначе я просто неудачник и у меня нет никакого будущего. Только проблема в том, что всех нас после смерти положат в ящик, а будут ли у этого ящика серебряные ручки, мне, в общем-то, неважно.

Третьим просто не понравилось, когда их друг стал вести себя как последняя сволочь, провокатор и эгоистичная мразь. И по отношению к ним я просто стараюсь быть максимально честным, предоставляя им возможность решать самим: оставаться или уходить. Все мои женщины, как кошки, приходили и уходили тогда, когда им захочется. Они не питали никаких надежд, и это всегда всех устраивало.

Но иногда, после дня прогулок и многочасовой работы над эскизами, я сижу в темноте, не включая свет, смотрю в окно и медленно смакую привычный чай. И, глядя на огни засыпающего города, я жалею о мёртвой тишине за спиной. Гляжу, как в соседних домах одно за другим гаснут окна, как маяки чужой, может, менее счастливой, но более тёплой и мирной жизни. Я жил такой жизнью когда-то и знаю, что это грусть обманывает меня в этот момент. Но мне так явно чудится, что там, в одной из угловых квартир соседнего дома, под низкой люстрой с одинокой неяркой лампочкой собрались люди, искренне любящие друг друга, они обсуждают важные темы, смеются, беспокоя ночную тишину за стеклом. И я приглядываюсь, приглядываюсь, желая увидеть их спокойное счастье... и вижу, как на кухне ссорятся двое. Она кричит на него, бьёт кулаком по плечу, заливаясь слезами и выбегает из комнаты. Он размашистым шагом подходит к двери и зло, со всей силы, захлопывает её за ней.

Совсем как я когда-то.

И тогда я перестаю жалеть об ушедшем.

* * *

Сегодня я встретил прекрасное. Оно пришло ко мне так неожиданно, в облике самой обычной...

Стоп, лучше я расскажу с самого начала.

Вечером началась гроза. Обычно грозы заканчиваются быстро, изойдя потоками дождевой воды. Молнии слабы, порой беззвучны, как безобидные зарницы. Небо сохраняет свою освещённость, теряя краски. Но сегодняшняя... С сегодняшняя гроза была редкостью. Тучи клубились и раздражались близким громом, как в последний день мира. Листья деревьев трепетали в предчувствии бури, свежая от влаги и сгущавшейся темноты. Молнии были так ярки, что болели глаза. И никакой вульгарной серости: небо было сизым с золотым подпалом.

Я должен был погрузиться в это полностью, чтобы от такой густоты холодных красок, какую встретишь только зимним вечером, меня не отделяло пыльное, искажающее своими неровностями стекло. Пускай я не хотел эту погоду запечатлеть, но я хотел вобрать её в себя, почувствовать, запомнить, пережить. Природа была прекрасна в своём гневе.

Конечно, я не пейзажист. Мне пейзажи и натюрморты всегда казались слишком скучными. Красивая посуда, цветы, еда, деревья, дома... Для меня это всегда было бессмысленно. Рисовать то, что уже создано чьими-то руками или не имеет яркой индивидуальности, всегда казалось мне потерей времени. Без сомнения, природа удивительна и прекрасна, но венец её творения – человек. Человеческое существо со своими мыслями, страстями, страхами, ошибками, волей и памятью настолько безумно сложно и непостижимо прекрасно, что я до ломоты

в висках вглядываюсь в лица, фигуры, жесты, мимику и пластику, пытаюсь почувствовать, увидеть, познать ту душу, что скрылась в этом теле.

Но сегодня я, отложив все дела и надев огромный нелепый дождевик, пошёл на улицу, подставляя лицо тугим струям дождя. Я вбирал глазами, пил мозгом цвет окружающего мира, наслаждаясь его сочностью и вкусом. Даже запах земли напоминал мне запах свежей масляной краски. Я шлёпал по лужам, игнорируя тот факт, что кроссовки давно промокли. Свитер под дождевиком тут же отсырел, но это тоже не имело значения. Я шёл по улицам старого, помнящего о многих событиях города, переваривал его, разбирая его в голове по цветам, и чувствовал себя совершенно свободным и счастливым. Только немного расстроило то, что демонстрацию своих сил стихия закончила достаточно быстро. И восхитительная, пугающая своей мощью буря перешла в заурядный дождь. Гром затихал вдаль, глухо рокоча вслед удаляющимся вспышкам молний, и только пальцы дождя лениво с тихим шорохом перебирали влажную листву.

Город медленно затапливала безлюдная влажная темнота. Водяная пыль образовывала нимбы над оранжевыми фонарями, которые заставляли сверкать каждый камень мокрого асфальта. Дома блестели сырой штукатуркой, теряли с литых витиеватых карнизов крупные капли, которые звучали как ноты в басовом ключе этой симфонии дождя.

Я вышел на холм, к подножию кремля. Белая громада ощутимо потускнела от дождя и подступившей ночи. Я повернулся к ней спиной и посмотрел через реку, на другой берег, где раскинулись новые кварталы большого города. Стены зданий почти растворились в пресыщенном влагой воздухе, оставив в непонятной пустоте, где земля и небо неразличимы, загадочный свет своих окон. И вроде бы всё естественно и понятно, но стоит сделать крошечное волевое усилие – и ты веришь, что там ничего нет: ни домов, ни людей, ни улиц... И даже земли. Ты веришь, что перед тобой не река, а море, уставшее после бури. А свет – всего лишь волшебный мираж, что-то похожее на огни святого Эльма. И ты чувствуешь весь мир на триста лет моложе: в нём ещё есть место чуду и убедительно похожей на правду фантазии, неизведанным мирам и охлаждающей кровь опасности и... внезапной смерти по бессчётному количеству причин.

Я полюбовался, помечтал, покрывшись мурашками и понял, что замёрз. Мне захотелось тепла. Не только температуры воздуха повыше – хотелось какого-то особого настроения. И я отправился искать ближайшую забегаловку. И по пути размышлял о том, что не отказался бы разделить такие волшебные моменты с кем-нибудь, кто смог бы меня понять.

Ноги привычно несли меня по городу, выбирая самые красивые улицы. Стены домов прятались в темноте, отодвигались, уставшие, загораживались от взглядов светом вывесок и окон. Я брэнчал в кармане мелочью, прикидывая, хватит ли её на кружку горячего чая и возможность посидеть в тёплом зале.

Вдруг мне в глаза бросилась вывеска маленького кафе. По ней невозможно было определить ценовую категорию заведения: она могла принадлежать как ресторану с налётом аристократизма, так и дешёвой забегаловке с десятью бутербродами в меню.

Я остановился у дверей и запустил руку в карман. Количество мелочи, которое накопилось в дождевике, едва поместилось в ладонь. Несколько больших пятак сиренево поблёскивали в свете окна, десяток было чуть больше, они лесенкой, монетка к монетке, сбились в кучу, вытеснив мелочь на периферию. Выбрав из кучи десятки, я прикинул, что на чашку чая в не очень дорогом кафе мне хватит, и, сделав шаг, толкнул дверь.

Зал оказался маленьким, с низкими потолками. Пол был покрыт дешёвым светлым ламинатом, который уже истёрся под ножками стульев и заметно поднялся от влаги. Стены были отделаны фактурной штукатуркой и покрашены бежевой краской. Столы и стулья были деревянными, но какими-то неаккуратными и неуютно угловатыми. Вдоль стен стояли диванчики, фальшиво поблёскивая дерматином. Над этим светлым царством довлела огромная барная

стойка, поверхность которой должна была напоминать благородное чёрное дерево, но блестела как старые виниловые пластинки.

Я вздохнул, подумав, что цены здесь наверняка позволят не только выпить чаю, но и съесть что-нибудь, и решил остаться. Справа от входа между проходом к кухне и окном стоял уютный столик, занимающий правильное тактическое положение: человек, который садился за него спиной к кухне, получал возможность незаметно наблюдать за всем залом в отражении чёрного оконного стекла.

Я скинул дождевик, стряхнул с него воду и кинул на стул, который стоял спинкой к проходу. Сел за стол и уставился в окно. Провёл рукой по волосам и почувствовал, что они совсем мокрые. Да и свитер навязчиво охлаждал плечи. Ничего, надеюсь, не простужусь...

Посмотрев по сторонам, я убедился, что источников осязаемого сквозняка нет. Ко мне уже спешила невысокая женщина со светлыми волосами. Её шаг был широк, движения резки. Она двигалась как кукла, управляемая не слишком искусным кукловодом. Я давно заметил, что такой характер пластика принимает тогда, когда душевных сил у человека почти не осталось. Только железная воля заставляет его двигаться и, так как воля плохо умеет обращаться с человеческой сущью, лишает движения человека плавности и гармонии живого порыва.

Она протянула мне меню и улыбнулась. Глубокие тени в углах рта на мгновение рассеялись.

– Здравствуйте, может быть, хотите сразу заказать?

– Нет, спасибо.

– Хорошо. Я подойду позже.

Она отошла, и я, определившись со столь желанным чаем (кстати, цены у них неожиданно кусались), заглянул, как в зеркало, в тёмное, иссечённое каплями стекло.

Почти у выхода сидели молодые парень и девушка. Она ласково прижималась к нему, парень же явно интересовал только его смартфон. Она преданно заглядывала ему в глаза, отчаянно пытаясь увидеть в его глазах своё отражение, стараясь понравиться ему. Но, видно, не судьба – её избранник не хотел видеть ничего, кроме экрана телефона, который его развлекал. Он предлагал своей спутнице посмеяться вместе с ним, но ей хотелось, чтоб он смотрел только на неё, не отвлекаясь от их великой любви ни на секунду.

Эта пара была наглядным пособием по любви грядущего дохлого поколения. Поколения, где мужчина слишком занят своим досугом, а женщина – собственной персоной. У них нет сил и времени на настоящую преданность, ответственность, ласку, принятие. И это поколение закончит так же грустно, как и предыдущие, потому что совершает ту же ошибку: гонится за навязанными идеалами и внешними проявлениями чувств, игнорируя душевные качества и черты характера, что их порождают.

И девушка вглядывается в своего избранника, следя за каждым движением его ресниц и губ, не зная о том, что глаза его никогда не распахнутся от радостного, детского удивления, потому что он давно утратил дух детства. Его губы никогда искренне не отзовутся на её счастливую улыбку, потому что его давно не волнует счастье других людей, а мышцы не вздуются буграми от бешеного адреналина, когда будет необходимость защитить её. А самое страшное в этом то, что, если случится чудо и он увидит, почувствует и отзовется – она увидит не радостное удивление, а инфантильную эйфорию, не отклик её улыбки, а рабское подобострастие, не желание защитить, а дешёвое пижонство.

Настоящая любовь тиха и ненавязчива. В ней нет места жгучей страсти, ревности, игре, притворству. Ты просто позволяешь другому человеку быть рядом с тобой таким, каков он есть, и сам не стесняешься своей сути. Просто живёшь, чувствуя, что он есть в этом мире, даже когда он очень далеко. Тебе просто интересно увидеть, каким он станет через десять, двадцать, тридцать лет. Когда ты просто видишь человека со всеми его недостатками, слабостями, щер-

бинами в душе, кривыми ногами и лёгкой лопухостью... и всё равно любишь. Всё равно любишь.

Я перевёл взгляд на угловой столик. За ним сидела небольшая компания громких мужчин. Такое впечатление, будто они выбрались что-то интеллигентно отпраздновать, но слишком увлеклись. Двое из них что-то громко обсуждали. Особенно шумен и весел был толстяк в толстом бежевом свитере. Его лицо налилось кровью, губы рябили, с дикой скоростью выплёвывая слова, и только тёмные глаза задорно блестели. Его индивидуальность и обаяние проявлялись в движении. Без него, на фотографии, например, лицо мужчины показалось бы одутловатым и некрасивым. Сейчас же вся его внутренняя красота, красота деятельного и активного человека, отразилась в неподдельном оживлении, сопровождаемом богатой мимикой. Мне безумно захотелось увидеть, как этот мужчина вернётся домой, и его улыбка погаснет. Как его горячее веселье остынет, оставив глубокие морщинки у рта и искорки в тёмных глазах, так похожих на остывающие угольки.

Мужчина, что сидел напротив толстяка, высокий лысеющий блондин, поймав настрой собеседника, поддерживал веселье в компании. Тихий и спокойный, он уравнивал буйную энергию товарища. Его руки лежали на столе, пальцы были сплетены, оберегая хозяина от ярких эмоций товарища, сидящего напротив. Он неосознанно крутил обручальное кольцо, будто оно давало ему силы. Хотел бы я увидеть, как он смеётся до слёз, до боли в мышцах живота, до момента, когда в лёгких кончается кислород, теряя над собой столь привычный контроль.

Третий, молодой брюнет невысокого роста, тщедушный и слабый на вид, зачарованно смотрел на дискутирующую парочку, переводя взгляд с одного на другого, в зависимости от того, кто брал слово. Казалось, он смотрит увлекательную партию по пинг-понгу, только вместо шарика летали слова, отбиваемые разумом столь непохожих по духу и столь близких по уровню людей.

Четвёртый из их компании был скучен. Коротко стриженный блондин с красивым греческим носом лениво развалился на стуле, почти не принимая участия в разговоре. Руки он заложил за спину и тускло смотрел на размахивающего руками толстяка.

За столиком напротив сидел ухоженный мужчина в деловом костюме. Непонятно было, что привело его в столь поздний час в кафе в историческом центре города. Но даже сейчас, когда он был свободен от забот рабочего дня, сказывалась многолетняя привычка раздражаться. Он грубо тыкал пальцем в лежащий перед ним планшет, злобно кривя губы.

Забавно! Он наверняка имеет намного больше собственности, чем я, парочка у окна, мужчины, шумящие в углу, вместе взятые. Он имеет планшет, о котором может мечтать девочка, машину, на которой хотел бы кататься её молодой человек, квартиру, в которой бы не отказался жить я, и свой собственный бизнес, о котором мечтает тихоня в громкой компании.

И скорее всего он тоже когда-то мечтал иметь всё это. Значит, исполнение мечты не делает человека счастливым? Или это не было его мечтой? Может быть, его мечтой было что-то другое, а он, забыв её, не узнав её, пройдя мимо, исполнял чужие мечты? Только чьи? Абстрактного успешного человека, ценность личности которого равна ценности имеющейся у него собственности?

Откуда мне знать? Я ничего не знаю ни про этого человека, ни про веселящихся мужчин, ни про влюблённую парочку. Я выдумал все эти нелепые истории о любви, мечтах и человеческих устремлениях. Но кто знает, сколько в моей выдумке правды?

Я опустил глаза в меню и усмехнулся.

И тут... Ко мне пришла красота. Она появилась неслышно, как тень, скользнула из-за правого плеча и изогнула губы в вежливой полуулыбке.

Я моргнул, подумав, что двинулся умом на нервной почве.

Но нет, она была реальна: на её шее билась синяя жилка, она дышала, мяла в руках истрёпанный блокнот и носила джинсы, майку, туфельки без каблука и... фартук. Официантка?

– Здравствуйте, вы уже готовы заказать?

Её голос с лёгкой хрипотцой пробрал до печёнок. В желудке появилось шекотание немого восторга. Я немедленно опустил глаза в меню.

– Да, принесите, пожалуйста, вот этот чай, – я промахнулся мимо выбранного мною чая, ткнув в соседний. Всё равно. Только бы не спугнуть. Только бы не запомниться.

Её узкая рука с нежными тёмными волосками на предплечье, невесомой цепочкой золотого браслета и неожиданно тонкими пальчиками протянулась к меню.

– Я заберу или будете заказывать что-то ещё?

– Да, – невольно ответил я и отодвинул от себя папку.

Ловким движением она закрыла папку и ушла на кухню. А я повернулся вспыхнувшим лицом к холодному стеклу и невидяще уставился в окно.

Я попытался понять, что со мной случилось и почему меня так поразила заурядная внешность ничем непримечательной девушки. Первая мысль была глупой: именно так я в юности представлял себе любовь с первого взгляда. Резкий выброс гормонов в кровь, внезапное возбуждение, вспыхнувшее лицо... Я закрыл глаза и попытался нашарить внутри это новое, так агрессивно завоевавшее мою душу чувство.

Оказалось, что у меня даже не было желания с ней знакомиться. Я не хотел знать её мыслей. Я не хотел знать, чем она живёт. Мне даже было всё равно, как её зовут. Удивительно, но я даже её не хотел как женщину. Я не чувствовал к ней ничего вообще.

Но радостное дрожание в желудке не проходило. Я вспомнил изгиб её губ, форму кисти, лёгкий румянец и понял, что это было восхищение. Безотчётный восторг от восприятия гармонии женской красоты, когда любой недостаток стоит дороже самых ярких достоинств, подчёркивая и усиливая индивидуальность. Когда всё, что есть в человеке, в его внешности и в его характере, складывается в живую картину, не идеальную, не совершенную, но божественно гармоничную, как музыка, которая полна диссонансов, но всё равно прекрасна.

Она снова вышла из кухни. Я уставился на её отражение в стекле, силясь зафиксировать, постичь и запомнить то, что так потрясло меня. С замиранием сердца я изучал её с ног до головы: форму стопы с высоким подъёмом, линии почти по-мужски мускулистой голени, неожиданно широкие бёдра и девически тонкую талию. Мои глаза подмечали каждую деталь: покатошь плеч и хрупкость шеи, высокие скулы и кругловатый подбородок. Я силился разглядеть в стекле изгиб бровей и форму уха, за которое была заправлена прядь пушистых, нещадно скрученных на затылке волос, но не мог. Я мысленно плюнул на все правила приличия и, отвернувшись от стекла, стал наблюдать за ней напрямую, как она снует по залу, изредка останавливаясь у барной стойки, замирая, как ненужная в данный момент машина. В эти моменты она смотрела в зал, и её глаза блестели, как порой блестят от неизбежной тоски. А потом её окликал повар или кто-то из посетителей, и она движением ресниц прятала этот лихорадочный блеск, подменяла его тёплой искрой немного грустной ласки.

Я следил, вбирая её в себя, разбирая на детали и соединяя вновь. Я выучивал её наизусть, как учат стихотворения и песни. Закрывал глаза и пытался повторить её, нарисовать силуэт в багровой темноте внутренней стороны век. И не мог... Было в её облике что-то неуловимое, чего мне пока не дано было понять.

Она подошла к столику, за которым сидел мужчина в костюме. Ласковая вежливость в её лице преобразилась, стала ещё мягче, нежнее. Я подумал было, что это её знакомый, но он раздражился на неё, и я понял, что ошибся.

Тогда я решил, что она захотела ему понравиться. Не кичась, не воображая, она просто демонстрировала ему тепло, которое могут дарить её глаза. Но разве ему было дело до тепла в чужих глазах? Думаю, такие, как он, с первых своих успехов конвертируют всё на свете в

валюту. Вежливая улыбка – столько-то денежных единиц. Горячий кофе – ещё столько-то. Женщина рядом – столько-то в зависимости от выполняемых женщиной функций.

От этой женщины за его деньги ему требовался только высокий сервис, который он, видимо, не получал. И от этого злился.

Она сникла, и её улыбка дрогнула. Отвернувшись от мужчины, она ушла на кухню, мимоходом перемолвившись словом с барменом.

Она ушла, а я перевёл взгляд на окно, в этот раз не вглядываясь в отражения, а следя глазами за редующими каплями на стекле, которые рисовали разветвлённые узоры на фоне начинающегося рассвета. Минута проходила за минутой, а она всё не появлялась.

Я поймал глазами другую официантку, которая принесла пиво и счёт веселящейся компании. Она подошла ко мне.

– Вы что-то хотели?

– Не могли бы вы принести счёт?

– Конечно.

Она отошла к барной стойке и вернулась с пухлой маленькой папочкой. Я высыпал в один из кармашков всю мелочь, которая у меня была. Собравшись уже уходить, я вспомнил, что мне так и не принесли чай. И решил подождать, чтобы моё поведение не показалось странным.

Моя официантка пришла с опухшими глазами и покрасневшим носом. В руках её был маленький поднос с чайником. Пальцы, так изящно изогнутые, лёгкими касаниями поддерживали его. Она подняла на меня глаза, скользнула взглядом по моей голове, и на её опустошённом лице промелькнула мысль, озорная и пугливая.

– Извините меня, я на минуточку, – сказала она и, описав подносом полукруг, исчезла за дверью.

Я удивился. Что она задумала? Уже плюнула в чай, и при взгляде на мою физиономию у неё пробудилась совесть? Или решила подсыпать слабительного по зову природной вредности? Или просто перепутала заказ? Тогда с каким столиком? Кроме меня, в зале остался только высокий блондин, который сонно допивал свою последнюю кружку пива.

Она пропадала не больше минуты. На подносе стоял тот же самый чайник. Она поставила поднос передо мной, испуганно улыбнулась и убежала. Я успел напоследок прочитать её имя на красном бейдже, прикрепленном к футболке. Александра. Я налил чая в чашечку и отпил. Чай был горячий и ароматный. Я смаковал его, как и её имя. Нежное начало и твёрдое окончание. Гармония несовместимого. Имя очень ей шло. И тут меня осенило. Я залпом выпил пару чашек (недаром же я ждал этот чай, в конце концов) и подошёл к бармену.

– Извините, не подскажете, во сколько у вас заканчивается смена?

Парень хмуро повернулся ко мне.

– Через пятнадцать минут.

– Спасибо.

Я взял дождевик и вышел на улицу. Город был затоплен живой тишиной и молочным туманом. Восходящее солнце нежно расцветивало его, даря лёгкие оттенки всех цветов радуги. Оставшиеся после ливня лужи отражали спящие дома. Всё вокруг дышало таким отдохновением и такой безмятежностью, что казалось, будто я вышел из двери напрямиком в сказку. Ещё пара шагов – и туман расступится, и откроется прекрасный замок, в самой высокой башне которого спит принцесса, цвет кожи которой нежнее цвета этого голубоватого тумана, а румянец – совсем как заря, разгорающаяся на востоке. Её платье соткано из лучей утреннего солнца, а глаза, ещё скрытые под беспокойными ресницами, голубые, как небо после дождя... Такие, как у этой девочки-официантки.

Я пошёл в обход здания, чтоб поймать взглядом ещё раз эту принцессу, которая много жизней назад лишилась своего королевства. Во дворе, где вдоль обшарпанных стен протяну-

лись гнутые водосточные трубы, возле выкрашенной зелёной краской железной двери стоял мусорный контейнер. Я высунул голову из-за угла и начал ждать.

Она появилась минут через пять, в наброшенной на плечи куртке, с сигаретой в руке, и села на пороге. Я спрятался поглубже и почти не видел её, зато в утренней тишине прекрасно слышал скрип мокрого песка у неё под ногами и шорох одежды.

Двор молнией пересекла трёхцветная кошка. Она подбежала к официантке и жалобно мяукнула. Я прислонился спиной к стене дома, закрыл глаза и весь превратился в слух.

– Ну чего ты мяучишь? Нет ничего для тебя.

Кошка снова мяукнула.

– Ну прекрати, у меня правда ничего нет!

Кошка мяукнула ещё раз.

Недолгая пауза.

Едва слышный щелчок. Окурок полетел на землю.

– Ладно, – вздох. – Жди, сейчас принесу.

Шуршание одежды. Скрип петель. Звук хлопнувшей двери.

Тишина, нарушаемая только шлёпаньем капель с карниза.

Скрип петель. Её чуть учащённое дыхание.

Послышалось тихое чавканье кошки.

– Неуютно тебе жить на улице, но зато никто и за хвост не дёргает, – её голос был тих и грустен. – Гуляешь где хочешь, спишь где хочешь, делаешь что хочешь. И ничего тебе за это не будет. Наверное, здорово быть кошкой. Даже бездомной.

Я открыл глаза. Какая же она дура! Неужели у неё не было больше никаких мыслей при взгляде на бездомную кошку? Только жалость к себе и зависть? Неужели я всё выдумал:

и тепло в её глазах, и тоску? Я прокрутил всё, что видел этой ночью, ещё раз. Нет, всё правда было. И боль, и грусть, и тепло. Но что их породило? Эгоизм, жалость к себе и зависть?

Да какая мне разница? Это же не делает проявления её чувств менее выразительными. Неосознанная жестокость ещё никогда не портила диких животных. Да, изнутри она ничуть не интереснее её ровесниц. Но она каким-то чудесным образом сумела остаться естественной, не превратиться в чьё-то искусственное и выхолощенное подобие, в погоне за идеалом ещё не потеряла своё обаяние. Это мой шанс поймать её красоту и оставить её на холсте навсегда.

Я услышал, как хлопнула дверь. Она зашла обратно в ресторан. Через несколько минут она пойдёт домой. Я повернулся и пошёл по улице вниз, к реке. Она не должна меня видеть. По крайней мере сегодня.

Дома я сел за эскизы и, признаюсь честно, не смог передать ничего из того, что меня так впечатлило. Это была не она. Я просидел за этюдником всё утро и часть дня, прежде чем смирился с неудачей.

Ничего страшного. Я умею ждать.

Глава 3

Зависть

Я открыла глаза и глубоко вздохнула. Рассеянный белый свет заливал комнату. Было душно и жарко, как в тропиках. Я подняла руку и провела ладонью по голой коже живота. Тело после неестественно глубокого сна двигалось плохо, как будто успело умереть и окоченеть. В духоте я вся покрылась липкой плёнкой пота, которая почти не давала облегчения. Наоборот, было ощущение, что меня хотят приготовить в собственном соку.

Я посмотрела на будильник. До того времени, когда я планировала проснуться, оставалось ещё два часа. Но жара сделала своё дело: лежать на горячей, сыроватой от пота простыне было неприятно. В сон уже не клонило, а от долгого лежания в постели грозила разболеться голова. Пришлось вставать.

Я уныло побрела в душ, надеясь хотя бы на время облегчить себе жизнь. Прохладная вода принесла истинное наслаждение, но духота очень скоро снова взяла своё. Пока я завтракала лениво слепленным бутербродом, невесёлые мысли бродили в моей голове. Сегодня был выходной, и я не знала, чем заняться. Срочных дел не было, несрочные делать не хотелось, важным уже ничего давно не казалось, а в душе не рождалось даже призрачного интереса к чему-либо. Я уныло перебирала в голове различные занятия, но в душе всё равно была муторная тишина.

Значит, надо просто как следует расслабиться. Я надела шорты и майку, которые мне когда-то оставил один из моих бывших парней. Давно хотела пустить их на тряпки, но лучшей одежды для такого настроения, когда хочется быть как можно более некрасивой, я так и не нашла. И, спустившись вниз, села в свой новенький автомобиль. Он встретил меня весёлым блеском на своих вишнёвых боках и запахом нового пластика в салоне. Только в машине я вспомнила, что надо бы позвонить Ане и предупредить, что я еду к ней. Но я была уверена, что она не будет против моего визита, не занята и, как всегда, сидит дома.

Я набрала номер и повернула ключ зажигания. Трубка отозвалась протяжными гудками, потом в динамике что-то захрустело.

– Алло, – сказала я.

– Алло, – ответил голос на той стороне.

– Привет. Я сейчас подъеду к тебе, ты не против?

– Да нет. Ты где?

– Только из дома выезжаю, – ответила я. – Через пятнадцать минут буду, жди меня.

– Хорошо, чай пока поставлю. Давай, жду, – из телефона понеслись короткие гудки.

Я привычно перехлестнула себя ремнём безопасности и проверила документы. Я любила свой автомобиль. Может быть, он не был так крут, как большие иномарки, но на нём всегда можно было найти место для парковки, и в нём всегда хватало места для необходимых вещей. Честно говоря, меня ужасно раздражали люди, которые, садясь в мою машину, начинали охать – какая, мол, она тесная, и рассуждали, что за те же деньги можно было приобрести и получше. А моя машинка всё слышала. В такие моменты мне было ужасно за неё обидно, и я тихонечко гладила её пальцами по рулю и мысленно говорила ей: «Ты хорошая. Ты самая лучшая». И этим людям больше не предлагала своих услуг.

На светофоре образовался небольшой затор, так как дачники потянулись из душного города на свои огороды пораньше, чтобы не попасть в пробку. Я отвлеклась от дороги, сделала громче радио. В эфире звучала одна из самых моих любимых песен. Я кинула взгляд на дорогу, убедилась, что никто никуда не едет, и, закрыв глаза, откинулась на спинку. Парень пел о любви. Эта романтическая музыка и красивые слова вызывали во мне небывалый отклик.

Мне так хотелось любить. Мне хотелось лететь к кому-то, желая его увидеть, желая его обнять. Мне хотелось чувствовать его взгляд не себе и читать улыбку в этом взгляде. Мне хотелось чувствовать прикосновения его рук и целоваться, целоваться, целоваться...

Из мира грёз меня вырвали возмущённые автомобильные гудки. Я открыла глаза и поняла, что пробка уже тронулась. Я резко дёрнула машину вперёд, и она, подчинившись моему резкому движению, дёрнулась и заглохла. Я в панике начала поворачивать ключ зажигания, подгоняемая гулом сигналов. У меня, наконец, получилось завести машину, и я аккурратно тронулась, набирая скорость.

И тут из соседнего ряда, в котором машины стояли на поворот направо по отдельной стрелке светофора, начал переставиваться огромный светлый джип. Когда он вылез на мою полосу, расстояние между ним и моей машиной оставалось мизерное. Я резко нажала на педаль тормоза. И, как в замедленной съёмке, я видела, как снижает скорость моя машина, как вытягивает шею, пытаюсь рассмотреть дорогу перед собой, водитель джипа – красивая женщина с накрашенными губами. Я почувствовала, как начала подрагивать педаль тормоза, предотвращая проскальзывание колёс. Я сумела остановить машину в десятке сантиметров от полированного до блеска белого бампера. С облегчением увидела, как джип начал медленно-медленно отдаляться. И внезапно почувствовала сильный толчок сзади, сопровождавшийся громким хрустом – несомненное доказательство, что в аварию сегодня я всё-таки попала. А преградившая мне дорогу машина неторопливо проехала по моей полосе на жёлтый сигнал светофора.

Я до смерти испугалась. Показалось, что случилось что-то страшное, непоправимое. Что мою новенькую машину теперь, как минимум, надо сдать в утиль. Я несколько раз глубоко вздохнула и попыталась разжать пальцы. Получилось с трудом, суставы неприятно закрипели. Повертела головой, проверяя работоспособность шеи, так как от толчка голова сильно мотнулась. Я непослушными пальцами отстегнула ремень и с трудом выпуталась из него. Проглотив непрошеные слёзы, нажала на кнопку аварийной сигнализации и на подгибающихся ногах вышла из машины.

Только снаружи меня никто не ждал. Пока я пыталась собраться с мыслями, пробка рассосалась, и тот, кто стукнул мою машину, сбежал, оставив мне на память проломленный бампер.

Спустя полтора часа я припарковалась у дома Ани. Заглушив мотор, я размякла на сидении, прикрыв глаза. Ощущение было, что за это время я разгрузила полвагона. Руки были тяжёлыми, бедро нервно дёргалось от перенапряжения. Хотелось упасть и заснуть.

После этой маленькой аварии я долго ждала ДПС, долго объяснялась с ними, получала различные документы. Да и ехать потом было намного тяжелее. Постоянно чувствовалась потенциальная возможность столкнуться с каждой проезжающей машиной. Я ехала с черепашной скоростью – и мне всё равно было чудовищно страшно. За то время, пока я тащилась к подруге, страх измотал меня до полусмерти.

Я привычно поднялась на второй этаж и позвонила в дверь. Аня открыла, ногой отодвигая от двери свою любимую сиамскую кошку Нюсю.

– Пошла отсюда, зараза, не крутись под ногами, – ворчала она, ногой преграждая путь голубоглазой красавице. Кошка поднимала тёмную мордочку вверх и вопросительно мяукала.

– Ты что-то долго, я тебя заждалась. Проходи быстрее, – она подняла глаза на меня и изменилась в лице. – У тебя всё в порядке? – озабоченно спросила она.

– Сойдёт, – я проскользнула в дверь и огляделась по сторонам. – У тебя родители дома?

– Нет, на работе, а что? – дверь захлопнулась, и замок, лязгнув, затих. Аня стояла, вопросительно глядя на меня.

– Я только что в аварию попала, – вздохнула я. – У тебя есть что выпить?

– Ты сама в порядке? Может, тебе в больницу надо?

– Да нет, если бы надо было, меня бы уже отвезли. Я с ДПС уже пообщалась. Просто дай мне что-нибудь выпить.

– Пойдём, – она повела меня на кухню. – Сейчас найду что-нибудь. А ты пока рассказывай.

Я начала рассказ, следя глазами за её фигурой в длинной майке. Она лазила по шкафам, откидывая с глаз рыжеватые волосы, а Нюся мешалась у неё в ногах, думая, что хозяйка решила её покормить. В конце концов Аня выудила откуда-то из глубины шкафчика для лекарств настойку на успокоительных травах и, заварив мне чай, щедро плеснула из бутылочки в кружку.

– Да, попала ты, – вздохнула она, ставя передо мной кружку и садясь напротив. – А что насчёт банка, в котором ты кредит брала?

– Не знаю, ещё не звонила, – я хлебнула чаю. Да, Аня настойки не пожалела. – Да и не хочу звонить, если честно. А знаешь, что было самое обидное в этой ситуации? – перебила я саму себя. – Что эта чёртова курица даже не посмотрела на меня! – слёзы внезапно полились ручьём. Так обидно стало, что я невольно уберегла её машину от повреждений. – Не надо было нажимать на тормоз! Надо было врезаться прямо в отполированный бок этого проклятого джипа, промять дверь и сломать её длинные ноги, которыми она обнимала какого-то мужика, чтоб тот купил ей эту чёртову тачку, на которой она ездить не умеет!

Я редела, дрожа, словно в ознобе, от пережитого шока. Нюся от моего крика забилась под этажерку и светила из темноты своими большими глазами.

– Я устала, Ань, устала быть всегда крайней! Я устала бояться потерять эту чёртову работу! Я устала быть одна без возможности что-либо изменить!

– Устала быть одна? Заведи кота. Хоть кто-то будет радоваться тому, когда ты домой приходишь. Честно говоря, иногда мне кажется, что только Нюся понимает меня, – Анька повернулась к тёмному углу, где виднелся расплывчатый силуэт кошки. – Ну что ты смотришь, морда, люблю тебя, говорю! – она поднялась с табуретки, вытащила кошку из-под этажерки за переднюю лапу и обняла её. – Смотри, какая она хорошая! Только она меня выручает, когда предки в край достают. Аня, ты делаешь не так, Аня, ты делаешь не то... Продайте Аню на рынке, если она вам не нравится. Да, моя сладкая? – Аня уткнулась носом в пушистую спину кошки.

– Честно говоря, тебе грех жаловаться. У тебя есть возможность учиться, и, если случится что, родители всегда тебя поддержат. А я... Как мамы не стало, я могу рассчитывать только на себя, никто мне не поможет...

– Да ладно, есть же я! Всегда готова напоить тебя вкусным чаем с некоторым количеством алкоголя, – ответила Аня, старательно наглаживая кошку.

– Да? А кредит за меня ты выплатишь?

– Не, у меня таких денег нету, – рассмеялась она. – Зато у меня есть идея, как отвлечься от грустных мыслей! Сегодня мы идём развлекаться! Тем более, возможно, уже и компания подобралась...

– Я никуда не хочу. Посмотри на меня! Я чудовищно выгляжу, и я в отвратительном настроении.

– Развлекаться надо именно тогда, когда ты плохо себя чувствуешь. Зачем развлекаться, если тебе хорошо? – назидательным тоном проговорила Аня и опустила Нюсю на пол. – Хотя... нет, даже когда тебе хорошо, нужно развлекаться. Чтобы было ещё лучше! Примешь у меня душ, выдам тебе самый сногшибательный наряд, сделаем вечерний макияж – и отправимся в наш клуб!

Я допила чай и слабо улыбнулась.

– Спасибо тебе, что помогаешь мне развеяться.

– Друзья на то и существуют, чтоб помогать друг другу, и не надо за это благодарить.

* * *

Когда мы вышли из дома, совсем стемнело, только на западе слабо светилась полоса заката. Дневная жара спала, было прохладно, даже зябко. Одинокие машины проезжали, разрезая шорохом шин ночную тишину. Мы присели на скамейку у подъезда в ожидании запаздывающего такси.

У Ани на неделе в очередной раз закончился бурный двухмесячный роман, и она делилась со мной последними новостями.

– Нет, ты представляешь, он мне после всего этого предложил переехать к нему. А мне как быть? У меня ни работы нет, ни денег, чтоб себя содержать, – я бедная студентка, мне учиться надо! А он, видите ли, мало получает! Тем более он живёт с мамой! Саш, с мамой! И что мне делать в одной квартире с не знакомой мне женщиной?!

– Да, не осталось нынче мужиков нормальных, тех, на которых можно положиться, – грустно констатировала я.

– Вот именно. В общем, я решила, что игра не стоит свеч, и порвала с ним. Зато теперь я снова открыта для нового! О, вот и такси!

Поблёскивая крышей в свете фонарей, к подъезду подъехала жёлтая машина такси. Анька, весело распахнув дверь, жестом пригласила меня внутрь. Я изобразила книксен, отчего мою короткую юбку пришлось снова одёргивать до приличной длины. Аня махнула на меня рукой и первая полезла в салон. Я, придерживая подол, села в машину и захлопнула дверь. Такси тронулось.

В салоне приторно пахло автомобильным освежителем воздуха. Этот запах у меня всегда ассоциировался с болтанкой, поэтому уже через пару минут меня начало укачивать. Я закрыла глаза.

Через десять минут мы подъехали ко входу маленького клуба. Это было наше любимое место. Там всегда была хорошая музыка, чтобы можно было оторваться, и дорогой алкоголь, что привлекало только приличную публику.

Мы выбрались из машины, поправили платья и, пройдя контроль, прошли в зал. Нас встретили официант, грохот музыки и мелькание светомузыки на танцполе. Официант предложил нам столик, оставил меню и удалился.

Аня расслабилась и небрежно откинулась на спинку дивана. Её взор мягко скользил вокруг, изучая окружение. Она на глазах преображалась из смешливой, немного шумной девчонки в томную и страстную охотницу. Она входила в роль.

Я чувствовала себя неудобно, поэтому, взяв со стола меню, углубилась в его изучение. Мне нужно было расслабиться. Поэтому срочно требовался алкоголь.

Среди грохочущей музыки, оживлённых людей и яркого света, соседствующего с глубокой темнотой, я чувствовала себя деревянной и сонной. Хотелось плюнуть на все развлечения и отправиться домой, но было чудовищно жаль так и не прожитого праздника, который я уже запланировала себе на сегодняшний вечер. Надо было перестать напрягаться, поймать волну хорошего настроения, стать гибче, наконец. Не зря же я приехала сюда! Да и Ане не объяснишь, почему я внезапно решила уйти. Не поймёт.

Поверх кожаного переплёта меню я посмотрела на Аню. Сегодня она была очень хороша. Её чувственные губы были ярко подведены и игриво улыбались. Рыжеватые волосы были собраны в высокий хвост на затылке и открывали взгляду тонкие ключицы. Платье ремешком ласково обнимало её за шею. Стройная талия подчёркивалась облегающим кроем. Туфли на шпильке с платформой делали её ноги умопомрачительно длинными.

Честно говоря, я завидовала ей. Завидовала её стройной фигуре и красивому лицу, лёгкому нраву и спокойной жизни. Она редко надолго оставалась одна и ещё реже переживала

по поводу своих бесконечных расставаний. Она не заморачивалась на проблемах, предпочитая отрываться по полной и возвращаться домой под утро.

Хотелось бы мне быть такой, но я не могла. Не умела так же щедро и смело раскрываться перед людьми и так же легко отпускать их. Мне было не дано гипнотизировать мужчин своей сексуальностью. Даже сейчас, когда на мне была её одежда, я чувствовала, что каждая вещь сидит на мне хуже, чем могла бы сидеть на ней. Я чувствовала себя скучной и уродливой рядом со своей подругой.

Значит, надо было выпить. Срочно.

Алкоголь делал меня свободнее, податливей изнутри, давал мне смелость играть и честность быть собой, смягчал острые грани моих чувств. Я любила состояние алкогольного опьянения только за то, что в таком состоянии была немножко более нормальной. Немножко менее собой.

К нашему столику подошёл официант. Аня повернулась, лениво глядя на него прищуренными глазами.

– Что будете заказывать?

– Ой, да, сейчас, – я заметалась глазами по страничке с алкоголем. – Да-да, сейчас, принесите мне... – и замаялась.

– Бутылку шампанского и сырную тарелку, пожалуйста, – Аня мягко вытянула из моих пальцев меню и отдала официанту. – Второе пока пусть побудет у нас, хорошо?

– Да, хорошо, – он черкнул в блокнотике, взял меню и ушёл.

– Расслабься, всё плохое на сегодня уже закончилось, – она мимоходом улыбнулась мне и снова начала шарить глазами по залу. – Что-то сегодня народ какой-то вялый, а времени вроде уже много, – она взглянула на блестящие наручные часы. – Ну да ладно, мы никуда не торопимся, правда? – она снова повернулась ко мне.

– Да, наверное, – я обвела глазами зал по примеру подруги. – Что-то совсем уныло здесь сегодня.

– Ничего, сейчас принесут шампанское и на танцполе станет немножечко жарче, – она обаятельно улыбнулась блондину, сидящему за столиком за моей спиной. – Ты смотри, какой симпатичный, подбородка почти нет, но глаза какие красивые...

Я обернулась. Блондин улыбался Ане маленькими и неловкими губами. Я никогда не понимала, что она находит в своих воздыхателях. Мне они казались плоскими и пресными. Наверное, именно поэтому я сама им ни капельки нравилась.

Я нравилась исключительно подлецам. И, честно говоря, взаимно. Иногда, слушая Аню, я искренне завидовала её избирательности. Ей попадались иногда дураки, иногда тюфяки, но чаще всего это были, в общем, нормальные парни. Но ещё ни разу над ней не издевались так жестоко, как издевался надо мной почти каждый из моих бывших.

– Ну вот что он ушами хлопает? Не видит, что ли, что тут симпатичные девушки без кавалеров сидят? – спросила Аня, кокетливо подперев рукой подбородок.

– Может, он стесняется, – мне тоже, честно говоря, было неловко. Ещё мгновение – и я стану лишней.

– Ну тогда пусть пеняет на себя. Я не буду ждать вечно, обмениваясь многозначительными взглядами, – она обернулась к подошедшему официанту, разрывая зрительный контакт с молодым человеком. – О, наш допинг прибыл! Спасибо, – она подняла наполненный официантом бокал, – Итак, за прекрасных нас! До дна!

– До дна! – я скосила глаза на искрящуюся жидкость и залпом выпила.

По пищеводу прокатился горячий колючий комок, в носу защекотали пузырьки, на глазах выступили непрошеные слёзы. Я почувствовала, как шея немного расслабилась.

Аня откусила белыми зубами кусочек сыра, демонстративно игнорируя улыбки блондина.

– А сегодня подали неплохой сыр! В прошлый раз была редкостная гадость. По ощущениям, он лежал на воздухе дня два.

Я покрутила бутылку, пытаюсь в полумраке рассмотреть сорт вина. Брют.

– Ань, а почему ты сухое заказала? Оно же кислое!

– Привыкай! Хорошее вино должно быть сухим, – она поучительно подняла палец к потолку. – А вообще-то я бы тоже предпочла полусладкое. Но сегодня есть только сухое. Ну что, ещё по бокальчику?

– Наливай!

Аня подняла бокал.

– Ну, за выдающиеся достоинства! – она расправила свою пышную грудь.

– Угу. За них я могу пить стоя и не чокаясь, – усмехнулась я.

– Не только мужчин должна утешать мысль о том, что размер – не главное, – Аня выпила шампанское.

Я откинулась на спинку, наблюдая за танцполом. Народу на нём прибавлялось. Моя спина расслабилась и обрела подвижность. Мышцы ног потеплели. Я почувствовала, что мне тоже хочется танцевать.

– Нет, ты только подумай! Сидит, улыбается... и ни хрена не делает! Мне что, просто его игнорировать, что ли? – вырвал меня из забытья возмущённый голос.

– А, что? – я вернулась мыслями к Ане.

– Да этот чудик из-за соседнего столика! Он мне улыбается, но подойти поболтать не хочет. А я не могу, когда мне кто-то улыбается, улыбаться другому!

– Почему?

– Это невежливо. Неловко как-то.

Я удивилась.

– Какая тебе разница? Ты сюда развлекаться пришла, а не воспитание демонстрировать.

– Не знаю. Всё равно он меня раздражает.

– Ну давай тогда ещё выпьем и пойдём танцевать.

– Хорошая идея! – Аня взялась за бутылку.

Танцпол встретил нас оглушающей музыкой и мельканием тел. Мы пробрались поближе к центру, чтобы не чувствовать холода, которым тянет от неподвижности зала. Я прикрыла глаза и отдала своё тело во власть грохочущей музыки.

Аня стреляла глазами по сторонам в поисках партнёра для танца, но все мужчины уже были заняты. К нам никто не собирался подходить. Тогда Аня выбрала единственного оставшегося партнёра – меня.

Я была этому рада. Мне не хотелось оставаться одной в этой толпе.

Я отдалась танцу и больше ни о чём не думала.

* * *

Натанцевавшись до ломоты в ступнях, зверски стиснутых туфлями, мы снова сели за свой столик, допили шампанское и заказали ещё одну бутылку. Блондин, что так раздражал Аню, теперь болтал с полной шатенкой, сидя за тем же столиком. То ли шатенка оказалась более смелой, чем молодой человек, то ли он именно её и ждал – это было уже неважно. Да, сегодня на знакомства нам не везло, но под шампанское и неплохую музыку вечер обещал состояться.

Пробравшись сквозь туманную темноту зала, к нашему столу подошли двое мужчин. Один из них был среднего роста и одет в светлый костюм и чёрную рубашку. Даже в полумраке были чётко видны глубокие морщины, которые собрались от улыбки у его глаз. Эти морщинки делали его улыбку немного карикатурной, но были странно притягательны. Вторым был высок и мускулист. От него веяло первобытной силой. В расстёгнутом воротнике поло виднелась

заросшая тёмными волосами грудь. Гладко выбритое лицо добродушно улыбалось. Круглые щёки, казалось, готовы были взорваться от налитого кровью румянца, однако синеватый от выбритой щетины подбородок был мужественен и твёрд.

– Девушки, можно к вам присоединиться? Вы, наверное, соскучились одни. Тем более, вы, наверное, уже устали танцевать, – невысокий мужчина махнул рукой на танцпол. – Надеюсь, вы нас узнали. Миша мне рассказал о вас. Очень хотелось бы познакомиться ближе, – он обаятельно и располагающе улыбнулся Ане.

Я перевела взгляд на Аню. Она, грациозно выгнув спину, призывно улыбалась пухлыми губами. После секундного раздумья она мягко скользнула ближе к стенке, позволяя сесть рядом с ней. Я, перебирая руками по сиденью, подвинулась тоже. Рядом с Аней уселся высокий брюнет. Судя по тому, как загорелись её глаза, она была очень довольна таким раскладом. На диванчик рядом со мной опустился мужчина в светлом костюме. От него приятно и волнующе пахло парфюмом. Я посмотрела на него, но его взгляд был устремлён на Аньку. Моё настроение внезапно поползло вниз. Так вот кого она высматривала весь вечер. Я почувствовала, что сильно устала и хочу домой.

– Итак, давайте знакомиться ещё раз. Меня зовут Андрей, а это Михаил, – сказал он, доброжелательно улыбнувшись Ане.

– Михаил, скажешь тоже, – его друг хохотнул. – Ещё по имени-отчеству представь. Просто Миша, – он весело подмигнул Ане. – А как зовут наших прелестных собеседниц?

– Анна, – опустила ресницы Анька.

– Саша, – буркнула я.

– Как-как? – Андрей наклонился, чтоб разобрать в шуме музыки мой невнятный голос.

– Саша! Александра! – гаркнула я ему прямо в ухо.

Он от неожиданности дёрнулся. Даже сквозь перину опьянения мне стало обидно за собственную неуклюжесть. Почему у меня не выходит быть лёгкой и изящной, как Аня? Вроде девочки по законам жанра должны вырастать из гадких утят в прекрасных лебедей, а я выросла в не менее гадкую утку.

Андрей попросил у мимо проходящего официанта меню и углубился в него. Миша с Аней уже увлечённо обсуждали автотранспорт. Миша с энтузиазмом отстаивал необходимость сохранения раритетных автомобилей. Анька со смехом оппонировала, считая, что машина должна выполнять чисто утилитарные функции. Мишу это задевало до глубины души, и его возмущение вызывало новый взрыв веселья у Ани.

Я слушала их, улыбаясь непосредственной горячности Миши и лукавой игре Ани, украдкой делая большие глотки из бокала с шампанским. Я проголодалась, и из-за этого тепло очень быстро начало расплзаться по телу, заставляя голову кружиться.

Я перевела взгляд на Андрея. Он, слегка нахмутив брови, рассматривал меню. Пауза затягивалась.

– Неужели тебе ничего не нравится? – я попыталась завязать разговор. – Думаю, всегдагдаи заведения могут помочь. Можно спросить у Ани, она тут все блюда знает.

– Нет, мне просто нравится слишком многое, – он посмотрел на меня и улыбнулся. Внезапно он повернул ко мне меню и спросил: – Чего ты хочешь?

– Не знаю... Честно говоря, мне всё равно.

– Можно я тебя побалую бренди с колой? Всё-таки это классика.

– Я не против.

– А есть что-нибудь будешь? Тут вроде неплохая пицца.

– С удовольствием! – я благодарно улыбнулась.

Андрей подозвал официанта и сделал заказ. Пока он отвлёкся, я наблюдала за Аней и Мишей. Он уже рассказывал ей о недавнем автопробеге по России, в котором участвовал. В

полутьме зала было видно плохо, но я явственно различила оловянный блеск в Аниных глазах, который говорил о том, что тема ей совершенно неинтересна.

Андрей снова повернулся ко мне.

– У тебя очень интересная внешность, ты совершенно не похожа на местных девушек.

Откуда ты родом?

– Я местная. В этом городе выросла.

– Неужели ни разу не приходилось переезжать? Мне кажется, по нашей жизни такое – редкость.

– Даже из одной квартиры в другую. Всю жизнь, сколько себя помню, живу в одном месте. Можно было бы, конечно, устроиться получше, но пока возможностей особых нет. Да и сильного желания что-то менять, пожалуй, тоже. А ты местный?

– Честно говоря, нет. Хотя живу здесь уже очень давно, лет десять, наверное.

– А где ты жил до этого?

– В Ярославле.

– Ого! Далековато! И что же тебя заставило сюда переехать?

– Обстоятельства.

– Какие, если не секрет?

– Секрет, – Андрей взял кусочек сыра и отправил его в рот.

Я даже обиделась.

– Ну и зачем надо было задавать такие вопросы, которые провоцируют меня выведывать твои секреты? – спросила я с раздражением.

Андрей засмеялся.

– погоди, я не спрашивал тебя, почему ты не переезжала. А на вопрос, местный ли я, я в полной мере ответил. Спасибо, – он вежливым кивком поблагодарил официанта, который поставил на стол несколько стаканов с коктейлями и блюдо с пиццей. Миша покосился на блюдо, но не притронулся к нему. Андрей подвинул один из стаканов мне, другой Ане, третий взял сам.

– За прелестных дам, – он поднял свой стакан, пристально глядя на Аню, и выпил. Анька благодарно и кокетливо опустила ресницы.

Я чувствовала себя уязвлённой. Он выставил меня полной дурой, хотя я просто проявила вежливость. Развёл тайны на пустом месте. Сделал Ане комплимент, хотя только что говорил со мной. Да и чёрт с ним! Пускай катится к ней. Хотя вряд ли его сегодня к ней подпустят. Да и если бы она была одна – она бы к этому чудиле и близко бы не подошла.

Чтобы погасить вспыхнувшую злость, я выпила полстакана залпом. Плевать! Главное, что есть за чей счёт выпить. И перекусить.

– А чем ты занимаешься? – вопрос Андрея застал меня врасплох. Пришлось выдержать длительную паузу, прежде чем ответить: неудобно разговаривать с набитым ртом.

– В смысле, кем работаю?

– Ну да. Или, может быть, хобби у тебя есть интересное.

– Работаю официанткой в небольшой забегаловке. Что люблю делать? Из-за работы вообще ни на что времени не остаётся. Иногда с подружками куда-нибудь выберусь, иногда фильм посмотрю... А так... Даже нет чего-то такого, чем я бы занималась бы постоянно. А ты что делаешь?

– О, я человек очень широких занятий! Но ничего особенно интересного про эти занятия рассказать не могу, потому что в большинстве своём они очень скучны.

– Мне кажется, ты прибедняешься! Не может быть на свете ничего скучнее работы официантки!

– Почему не может быть? Работа уборщика, например.

– Думаю, нам непросто будет сравнить. Я не работала уборщицей, а ты, думаю, не работал ни тем, ни другим.

– Ошибаешься. У меня работа очень плотно связана с уборкой.

Я смерила его взглядом. Хороший костюм, приятный парфюм. Интересно, что он имеет в виду? Санитар? Дворник? Бухгалтер? Отдел кадров?

Он поставил стакан на стол, посмотрел на меня и захохотал.

– Только сейчас понял, как глупо звучала эта фраза. Как из дешёвых сериалов про ментов, – он искренне веселился, а потом, наклонившись ко мне, понизил голос: – Я должен тебе признаться – я наёмный убийца.

– Шутишь?

– Нет, но теперь ты слишком много знаешь, – его рука внезапно скользнула в карман.

Сердце в груди зашумело, разучившись биться от страха.

А он достал из кармана жевательную резинку и с хохотом откинулся на спинку дивана. Я поняла, что он издевается надо мной, и почувствовала, как щёки заливают вернувшаяся кровь. Почему он выставляет меня душой?

– Будешь? – он протянул пачку мне, давясь смехом.

– Я не понимаю, по какому поводу ты веселишься, – с достоинством сказала я, проигнорировав вопрос, и, чтобы сгладить неловкость, поднесла стакан ко рту.

– Ну-ну, конечно, ты просто своего лица не видела! Мне показалось, или ты ужасно испугалась?

Я чуть не откусила край стакана. Чтобы не вспылить, мелкими глотками допила коктейль до дна и спокойно поставила стакан на стол.

– А мне показалось, что у кого-то шутки дурацкие!

Андрей, отсмеявшись, подвинул ко мне в качестве извинения полный стакан.

– У меня созрел замечательный тост! За новые знакомства! – он поднял стакан. Аня и Миша присоединились к нему. Я тоже подняла свой стакан. – До дна! – он залпом выпил остатки из своего стакана. Я только отпила, чувствуя, что голова стала тяжёлой.

– Саш, мы отойдём ненадолго, – Аня наклонилась ко мне. – Пойдём потанцуем, хорошо?

– Хорошо, – пробубнила я.

Я видела, как они пробираются на танцпол, присоединяясь к смутным фигурам, расплывчатым от дыма и мерцающим от цветных прожекторов.

– У тебя очень интересные глаза. Такой красивый разрез при таком необычном цвете встречается редко. Неужели твоя мама была местная?

– Нет, она приехала из Сибири. У неё тоже был красивый разрез глаз. А отца своего я никогда не видела. Цвет, наверное, от него, у мамы были совсем другие глаза...

– Были?

– Да, она умерла пару лет назад, – мне стало совсем грустно, хотелось расплакаться.

– У каждой жизни свой срок, – философски заметил Андрей.

– Да. Просто жаль, что он бывает так неоправданно короток.

– Тогда давай выпьем за тех, кто за свою короткую жизнь сумел подарить тебе такие красивые глаза.

– Давай, – я подняла стакан. И выпила его до дна. Больше я ничего не помнила о том вечере.

Глава 4

Вождение

Я потерпел фиаско как художник, как мастер – и как человек. Меня это сильно уязвило. Я должен взять реванш, должен разгадать загадку, должен понять. Но я не хочу знать, что эта официантка из себя представляет. Скажу честно, мне просто страшно. Я видел многих людей, я многим заглядывал в души. И каждый раз мне становилось страшно от по-настоящему красивых людей. Они напоминали мне могилы древних царей. Такое ценнейшее произведение искусства, как их тело, созданное природой с величайшей тщательностью, оскорблялось вонючей и уродливой мумией их давно умершей души. Я много раз видел это, мне было невыразимо мерзко, но я изо всех сил старался это игнорировать. Рисовал им другие души. Мысленно вытаскивал их личность из тела, выдумывая людям на холстах другое прошлое, настоящее и будущее...

В этот раз я вообще не хочу касаться её личности. Ещё раз вскрывать могилу чьей-то души, давая доступ свежему воздуху, который усиливает разложение? Нет, спасибо, больше не хочу. Я не хочу оскорблять её красоту даже осознанием смерти внутри неё.

Правда, возникла одна маленькая проблема. По памяти я не смог её воспроизвести. Со мной такого давненько не случилось. Может быть, я что-то не учёл? Может быть, моя память не так цепка, как я думал?

Почему я её украдкой не сфотографировал? Я мог притвориться, что фотографирую вовсе не её, а, например, самого себя, а её совершенно «случайно» поймать в кадр. Да, я понимаю, что даже девушки за этим занятием выглядят глупо, но... Стоп. Я порю чушь. Зачем мне так напрягаться, если есть социальные сети?

Пока всё, что я о ней знал, это было её имя и то, что она работает в кафе в центре города. Значит, долгое время живёт неподалеку. Вряд ли человек станет ездить с другого конца города для работы в кафе. Ресторанчиков везде хватает. Я понимал, что для того, чтобы гарантированно найти её страничку, информации недостаточно, но это был самый незаметный способ получить её фотографию. Игра стоила свеч.

Примерно определив её возраст, я зарегистрировался в одной из самых популярных среди молодёжи сетей и, забив в поиск её имя и город, начал искать знакомое лицо.

* * *

Никогда ещё я не проводил такую масштабную поисковую операцию. Через пару часов голова совершенно забила от потока ненужной информации, гримасничающих лиц и бессмысленных фотографий событий, еды и животных. Кажется, я скоро перестану понимать людей. Зачем им всё это?

Я разлёгся на диване поудобнее. В конце концов, что я брюзжу, как старый пень? Не лучше ли присмотреться к ним повнимательнее, расслабиться и выключить мозги. Может быть, я пойму что-то, чего не понимал до этого?

Я закинул ноги на подлокотник дивана и, стараясь не искать логических объяснений, просто рассматривал эти маленькие кусочки чужой жизни. Мне очень понравилась яркость красок, живость поз и лёгкость восприятия. Я улыбался, радуясь за каждый ярко прожитый момент чужой жизни.

И вдруг поймал себя на непривычном чувстве. Что моя жизнь совсем не так хороша, как я думал. Действительность на просторах интернета показалась мне такой яркой, лёгкой и радостной, что, переведя взгляд на чуть обшарпанный журнальный столик, я был неприятно

удивлён его уродством. Шторы на окне показались грязными тряпками. Да и я тоже не очень красив и молод. . .

Я провёл по столу рукой и зажмурил глаза. Он был не так уж стар – он просто имел свою историю. Я почувствовал ладонью его шершавую поверхность, вспомнил, каким образом появилось большинство царапин на ней. Вдохнул несколько раз и открыл глаза. Отпустило. Комната вновь показалась уютной.

Я пошёл на кухню и приготовил кофе. Лениво прихлёбывая из чашки, я тупым взглядом уставился в угол кухни. В голову начало закрадываться ощущение бессмысленности потраченного времени и усилий.

Всё, если в течение следующих двух часов поиска я её не найду – буду пробовать другие варианты.

Взяв кружку с собой в комнату, я снова заскользил глазами по страницам. Вдруг сердце провалилось куда-то в желудок и перекрыло дорогу очередному глотку кофе. Я закашлялся. С экрана на меня смотрели её чуть асимметричные глаза, и кривой яркой полосой расплывалась неискренняя улыбка. Рядом с ней на фотографии была запечатлена русая девушка с неестественно полными губами.

Я нашёл её!

Я сразу перешёл на страничку того, кто выложил эту фотографию. Это была страничка русоволосой девушки. Согласно обнародованной информации, её звали Анна Самохина. Её страничка наполнилась бессмысленными цитатами, собственными фотографиями в нарядных платьях, фотографиями стереотипных красавиц и красавцев. Мне стало смешно: её существо явно стремилось к созданию идеальных форм – для того чтобы вместить достаточно убогое содержание.

Но я отвлёкся.

Ощущая лёгкую щекотку в желудке, я перешёл на страничку Александры Криницкой, немного пролистал её. . . и окончательно разочаровался. Её страница пестрела такими же постановочными фотографиями, как и у её подруги, не раскрывающими ни обаяния, ни индивидуальности. Но я находил в каждой фотографии недостатки, вылезшие против воли хозяйки, и радовался им, как ребёнок. Стандартные лекала, по которым шились все эти роскошные платья, не могли повторить её удивительные, выдуманные природой в едином порыве вдохновения формы.

Ну как, роскошные. Дешёвые обёртки для дешёвых конфет.

Я же хотел её увидеть завернутой в белоснежную простыню, чтобы ничто не отвлекало от её красоты.

Но на фотографиях я снова и снова видел дешёвые, уродующие своей искусственностью кружева. Горечь разочарования жгла мне горло, и, тем не менее, я едва мог дышать от охватившего меня волнения. Я смотрел на её фотографии, и часть её красоты уже принадлежала мне. Теперь я имел материал, с которым мог работать.

Мне нужно было попробовать ещё раз поймать и запечатлеть то, что заставляло так колотиться моё сердце, но дать королеве, что скрыта глубоко внутри неё, другое имя, другие чувства, другие мысли, иную суть.

И я дам. Иначе – зачем я вообще был?

Сегодня у меня много работы.

* * *

Я полное ничтожество. Совершенно негодный художник. Всё, чего я смог добиться, – это повторить статичные и плоские изображения фотографий. В них не было того волшебства, что заставляло меня терять голову при виде девушки.

Неужели я так беспомощен?

Я достал и установил на мольберте портрет бывшей жены. На меня из темноты холста взглянула уставшая, нежная и добрая женщина. Её лицо было так знакомо, и одновременно я не помнил встречи с ней.

Потому что её никогда не было. Никогда не было доброты во взгляде этих глаз, не было нежности. А вот её усталость я хорошо помню. Я погрузился в воспоминания, чтобы вспомнить, какой она была...

Мы поженились на последнем курсе училища. Она была красива, умна, весела и остроумна. Рядом с ней было интересно: она задавала вопросы в лоб, не боялась правды и прятала свои выводы за спиной до лучших времён. Она причудливым образом искажала проявления всех своих чувств и мыслей, чтобы никто и никогда не смог её ранить. Но ничто не могло скрыться от её потрясающе острого ума. Она была восхитительно свободна и красива в своём камуфляже, напоминая осьминога в океане.

Кем она была на самом деле? Она была великолепной иллюзионисткой. Все силы своей души она пропускала через калейдоскоп своего разума, рождая потрясающие образы себя. Я не против был следить за её метаморфозами всю жизнь – так причудливо и непринуждённо менялись её душевные состояния, жесты и мимика, отражения её сущности. Однако я не учёл одного обстоятельства: её желания быть со мной.

Что мог дать свободолобивый человек специфического мировоззрения такой блестящей женщине? За свою изменчивость и красоту она могла купить в этом мире намного больше, чем неопределённое существование со мной, ведь на самом деле она была достаточно жадна и тщеславна.

Но я её обманул. Я пристально следил за её изменениями – она видела в моих глазах своё отражение и принимала это за обожание. Я подыгрывал ей – она принимала мою игру за любовь. К сожалению, её гениальный разум, наученный тонко изменять чувства, идущие изнутри, оказался неспособен видеть неискренность других.

И она стала моей женой.

Она бы никогда не раскрыла мой обман, если бы не случай. После окончания училища моя карьера неожиданно пошла в гору – то, ради чего другие работали до кровавого пота, буквально свалилось мне в руки. Мне удалось создать несколько крайне удачных иллюстраций, что сделало меня востребованным, хорошо оплачиваемым специалистом. Но мне было неинтересно, и я занимался этим только ради денег. Моя жена, почувствовав вкус к хорошей жизни, была на седьмом небе от счастья. И мне пришлось выбирать: либо её счастье, либо моё. Мой выбор раскрыл правду, и её чувства стали настолько сильны, что разум уже не смог искажать их. Теперь я постоянно чувствовал от неё только злобу и ненависть, рождённую обидой и неудовлетворённостью.

Не стоит перечислять её истерики, рукоприкладства и демонстративные измены. Это не задело меня. Меня заставила уйти её честность в собственных чувствах, конец завораживающей игры.

Да и я, в конце концов, тоже не монстр. Многие справедливо ненавидят меня за моё нежелание быть «порядочным» или «честным». Но зачем мне делать несчастной женщину, от которой мне больше ничего не нужно?

Да, правильно, незачем. Ведь, как я уже сказал, я не монстр.

Мы расстались тогда навсегда. Она сама никогда не звонила мне, да и мне больше ничего не хотелось от неё. Расстались ли мы врагами? Не знаю. Наверное, она ненавидела меня. А я никогда не держал на неё зла. В конце концов, я же осознавал, что мне нечего ей предложить.

После нашего расставания я решил написать этот портрет. Я тщательно вспоминал её лицо до последней родинки. И не мог найти в нём что-то постоянное, что-то, что хотелось бы запомнить в ней навсегда.

Тогда я решил всё выдумать. Выдумать её любовь, которую она, наверное, никогда не будет способна испытать; её нежность, которую она давно запретила себе проявлять. Это было несложно. Я видел на этом лице столько различных эмоций, что выучил наизусть форму и динамику каждой мышцы, изгиб и глубину каждой морщинки.

Самое поразительное, что у меня получилось! Женщина на портрете была похожа и одновременно не похожа на мою жену. Черты лица, так точно подмеченные мной, застыли в выражении, совершенно ей не свойственном. Я был доволен. И теперь каждый раз, когда мне стоит повторить подобный трюк, я достаю этот портрет и вспоминаю, вспоминаю, вспоминаю...

* * *

Спустя несколько дней я окончательно убедился в собственной беспомощности. Мои попытки просто жалки. Я должен снова найти эту официантку.

Но как? Прийти к ней на работу? Нет, мне нельзя светиться. Выяснить, где живёт, и караулить у дома? Да, можно. Но спать тоже когда-то надо. А впрочем, можно сделать проще, тропинка-то уже протоптана...

Я зашёл в социальную сеть, в которой нашёл фотографии, создал новый аккаунт, назвал себя Мишей (именем моего старого знакомого), а вместо фотографии поставил картинку с блестящей иномаркой, загрузил несколько забавных картинок пополам с фотографиями красивых мест и дорогих машин. Но возраст отметил свой. Получилось неплохо, непонятно, кому принадлежит страничка: то ли обладателю малого бизнеса, только что зарегистрировавшемуся в сети в связи с разводом, то ли невзрачному зануде, пытающемуся привлечь незаслуженное внимание.

Написал Анне Самохиной с предложением просто пообщаться. Ведь я первый день в сети, хочется общения с молодыми и энергичными людьми, а у неё такие интересные фотографии на страничке... Если я правильно всё понимаю, она ответит. Слишком уж ей льстит чужое внимание.

Ответила.

Поддерживаю непринуждённую беседу. Получается трудновато.

Да, кстати, Аня, ты очень красивая.

Задаёт наводящие вопросы. Прощупывает почву.

Выдумываю на ходу. Да, возраст правильный, просто раньше предпочитал знакомства живую, а теперь все симпатичные девушки по улицам ходят, уткнувшись в телефон, вот и решил поддаться современным веяниям. Кем работаю? Так, своё небольшое дело есть, сапогами торгую. Нет, не изготавливаю, только перепродаю. Доход стабильный и достаточный. Женат? Нет, что ты! Есть, правда, внебрачная дочь, но с ней почти не вижусь, её мать не позволяет. Почему нет фотографий? Не люблю фотографироваться, но сейчас пришлю тебе фотографию двухлетней давности с моим другом (да, я повыше и помускулистей). Где живу? На окраине города, в собственной двухкомнатной квартире. Ехать до центра, конечно, далеко, да и по пробкам добираться на машине тяжеловато, зато рядом парк и пруд. Люблю природу. Особенно шашлыки.

Кстати, не хочешь встретиться? Я, конечно, не так молод, но всё ещё не прочь оторваться в каком-нибудь клубе. Да-да, в том, который тебе самой больше всего нравится.

Боишься? Правильно боишься, вокруг столько нехороших людей... А может быть, чтобы не было так страшно, устроим двойное свидание? У меня есть хороший и свободный друг. Да-да, тот щупленький с фотографии. Послал ему твою фотографию с подружкой, вот эту, друг сказал, что согласен на двойное свидание, но только с этой брюнеточкой. А то он боится, что подсунешь ему kota в мешке, а эта вроде ничего. Да, кстати, он предпочёл бы свидание с тобой, но мужская дружба дороже.

Насчёт подружки не знаешь, а на встречу согласна? Великолепно! Когда договоришься с ней – пиши, мы в любой будний вечер готовы. А сейчас ты чем занимаешься?

Час бессмысленного трёпа.

Второй.

Боже, девочка, откуда у тебя так много времени? Тебе больше не на что его тратить?

Пропала. Не отвечает на вопросы. Слава богу, я уже начал изрядно уставать. Всё, сегодня с меня хватит. Завтра попробую закрепить результат.

А пока надо было обеспечить появление на сцене главного действующего лица.

– Алло, привет, Миш. Ты дома?

– Привет, Андрюх. Да, а что ты хотел?

– Твоя далеко?

– Да, я могу говорить.

– У меня есть интересное предложение...

* * *

Резкий звук вспугнул послеобеденную тишину душного дня. Давненько не было такой жаркой погоды. Я решил устроить небольшой отдых и только закрыл глаза. Пришлось вставать и идти за телефоном в другую комнату.

Анна написала, что собралась сегодня с подружкой развлечься в клубе. Бинго. Я, честно говоря, даже не надеялся, что мой план сработает. Слишком малы были шансы на успех. Я ответил, что сейчас позвоню другу и сразу же сообщу, состоится наша встреча или нет.

Анна ответила, что не стоит беспокоиться. Ей не хочется ничего обещать и ни с кем связываться. Просто сегодня вечером она с подружкой будет развлекаться в таком-то клубе, и если они успеют найти приятную компанию раньше, чем явемся мы, то, пожалуйста, без обид.

Великолепно. Лучшего расклада не могло и быть.

Я снова позвонил Мише. Это с ним я был запечатлён на фотографии, которую отослал Анне. Как раз от его имени я вёл разговор. Он – единственный человек, с кем я поддерживаю контакт в этом городе. Другом я его не назвал бы, скорее, соучастником и собутыльником. На самом деле, он не самый приятный человек, и я знал, что большинство знакомых его недолюбливает. Также я знал, что в большинстве случаев это было взаимно.

Но у него было несколько очень выгодных для меня качеств. Первое – авантюризм. Подбить его на сомнительные приключения всегда было делом очень простым. Второе – у него всегда можно было что-то одолжить. Правда, возвращать вещи надо было до того, как они ему понадобятся, потому что он умел быть действительно очень неприятным. А третье – ему было плевать на мнения и желания других людей. Его мнение обо всех окружающих его людях было нелестным, поэтому он без зазрения совести ими пользовался. Эти качества делали его идеальным товарищем для совместного времяпрепровождения, но делали невозможным полноценное общение с ним. То, что мне и было нужно.

В прошлый раз я спросил его, не против ли он провести вечер в компании двух дам, одна из которых вполне в его вкусе. Естественно, встреча ни к чему не обязывающая. Он согласился. Теперь надо было срочно изложить ему легенду. Я вкратце рассказал, что воспользовался его именем, от его лица вёл переписку, сделал его мелким бизнесменом, живущим на окраине города. Он хохотнул в трубку и сказал, что надеется, что девушка будет действительно в его вкусе, потому что я обеспечил ему очень хорошее прикрытие и достойную биографию. Мы договорились, что он прочитает нашу переписку при встрече, чтобы нигде не проколоться, а у жены отпросится на вечер для пары бокалов пива в моей компании. Я единственный из его друзей был у его жены на хорошем счету, потому что у меня хватало ума быть на её стороне хотя бы напоказ.

Я положил трубку и довольно улыбнулся. Сегодня он поможет мне обезвредить эту Анну. Или просто скоротать вечер не в одиночестве, если Анна приведёт с собой не ту подружку.

* * *

Спустя несколько часов мы сидели в тёмной духоте зала ночного клуба. Равномерный бит музыки изнурительно бил по моей голове кузнечным молотом.

Передо мной сидел Миша, потягивая третью кружку пива. Я сосредоточенно смотрел сквозь полумрак зала и пропускал мимо ушей реплики моего собеседника – набитый рот был хорошим поводом не отвечать: от волнения есть не хотелось совсем, но мне необходимо было чем-то себя занять.

И тут я увидел, как на входе появились две женские фигуры. Сердце радостно подпрыгнуло: сначала я узнал её подругу, потом увидел её. На официантке было короткое платье, обрезающее её круглые бедра. Она шла так, будто из-за слишком высоких каблуков не могла до конца разогнуть ноги в коленях, как кузнечик. Мне было смешно смотреть на неё.

– Вот они, смотри, только зашли!

Миша грузно обернулся, обводя глазами зал. Потом снова вернулся к своему пиву.

– Эта с хвостом, что ли? Хороша. Особенно с тыла.

– Вблизи должна быть ещё лучше.

– Сейчас подойдём? – Миша тоскливо поглядел на почти полный бокал.

– погоди, пускай пообвыкнут. Успеем ещё.

Они уселись за свободный столик. Её подруга вульгарно откинулась на спинку сиденья, выпятив богатую грудь. Официантка же сидела зажатая и скованно, из-за чего одно плечо её было чуть выше другого.

Они сделали заказ и в ожидании болтали о чём-то. Подруга вела себя почти вызывающе, а Александра совсем замерла. Неловкость, которую она ощущала, можно было почувствовать, единожды взглянув на неё.

Официант принёс им бутылку шампанского. Они достаточно быстро опустошили её и отправились танцевать.

Я следил за ними. Их силуэты расплывались в задымленном воздухе. Анна двигалась очень чувственно и плавно, очаровывая своей пластикой. Александра же чуть-чуть не попадала в ритм, придавая слишком большое значение законченности своих движений.

Когда к ним стоит подойти? Сейчас, пока они танцуют? Или лучше подождать, когда вернуться за столик?

Я смотрел на Мишу. Насколько я помню, танцор из него так себе. Не хотелось бы портить впечатление сразу.

Пока я прикидывал, время тянулось. На танцполе становилось больше народу. Я волновался, что, если не начну действовать сейчас, к ним подойдёт кто-нибудь другой. Тогда без ссоры не обойдётся. Но нужно было действовать наверняка.

Мне стало жарко: они возвращались на своё место. Усевшись, официантка скинула туфли и начала растирать пальцами ступни. Пора.

– Знаешь, я тут пригляделся, – я задумчиво почесал подбородок. – И мне тоже больше с хвостом понравилась, – выглядела бы её подруга хоть капельку интеллигентнее, мой трюк бы не удался. – Нет, ты прав, хороша девка. Посмотрим, насколько она сговорчива, – я начал вставать из-за стола.

– Ты чего? Мы так не договаривались...

– Да ладно тебе, чёрненькая тоже ничего, может, так долго бегать не придётся, не такая разборчивая... А у тебя времени мало, ты человек занятой. К светленькой, небось, на кривой козе не подъедешь... А подружка её какая-то неказистая. Побоится отказывать...

Судя по тому, как Миша покраснел от злости, я понял, что попал в цель. Будет теперь из шкуры вон лезть, себе и другим доказывать, что он достоин лучшего. Залпом опустошив стакан, он пошёл к столику, за которым сидели девушки.

Желая раззадорить Мишу, я обогнал его и подошёл к их столику первым. От волнения мне было трудно дышать.

Я, глядя только на Анну, вежливо поздоровался, сказал, что наслышан о них, и предложил продолжить знакомство. И замер в ожидании.

Она искривила свои красные воспалённые губы и ещё призывнее выгнула спину, заманивая окунуться взглядом в ложбинку между грудей.

Я смотрел только в глаза. Мне было тошно от неё. Даже тело, которым она справедливо гордилась, казалось мне захватанным и засаленным. Я брезговал касаться взглядом её кожи, которую облизывали глазами сотни раз до меня.

Я почувствовал, как за плечом напрягся Миша. Очевидно, популярность девушки только разожгла его аппетит.

Но она сейчас решала – останемся мы или уйдём.

Она погасила свой взгляд и подвинулась, позволяя сесть рядом с собой. Я промешкал, и рядом с ней уселся Миша. Замечательно.

Я сел напротив, отчаянно стараясь не смотреть на соседку. Я и так почти задыхался рядом с ней.

– Итак, давайте знакомиться ещё раз. Меня зовут Андрей, а это – Михаил, – я постарался сосредоточиться на насущном.

– Михаил, скажешь тоже. Ещё по имени-отчеству представь. Просто Миша, – он явно хотел показаться добродушным и весёлым, но получилось фальшиво. – А как зовут наших прелестных собеседниц?

– Анна, – полные губы раскрылись, обнажив редкие мелкие зубы. Я почувствовал, что эти красные губы в полутьме вызывают во мне суеверный ужас. Я чуть не зажмурил глаза, чтобы их не видеть. Они казались мне единственным заслоном мира от смрадного влажного мрака её рта.

– Саша, – еле слышно отозвалась моя соседка.

– Как-как? – переспросил я, хотя прекрасно всё расслышал. Фраза была рождена скорее неловкостью ситуации и оторопью от лицемерия этого ужасного рта.

– Саша! Александра! – резко вскрикнула она. Я невольно вздрогнул от напряжения, которое вызывало во мне её присутствие.

Её щёки залил неровный румянец. Глаза остановились, невидяще уставившись перед собой. Она напоминала школьницу, которая только что получила двойку. Да, девочка, ты права, другие бы не простили тебе такое нелепое поведение. Но не я.

Я искоса следил за ней, стараясь запомнить румянец на щеках, форму кисти и пальцев, блеск глаз – всё, что мог увидеть в этой полутьме.

Но нельзя было забывать про главное: мне необходимо было сохранять абсолютное равновесие на своём лице.

И чем больше я наблюдал, тем яснее было, что её очарование ускользает от меня. Сколько бы я ни смотрел на неё, сколько бы ни изучал, стоило мне закрыть глаза – и в красной темноте закрытых век оставался только неясный силуэт, допускающий сотни различных толкований.

Значит, неудачи последних дней – не моя вина. От осознания этого факта мне стало немного легче.

Я подозвал проходящего мимо официанта, взял меню, открыл его и задумался. Я не знал, что выбрать. Наверное, стоило заказать что-то лёгкое. Пускай лучше я упусти свой шанс, чем мне придётся видеть её, столь загадочную своим обаянием, опустившейся на уровень собаки,

больной от количества съеденного. Но ведь можно до этого и не доводить... В голове созрел новый план.

А у Миши с Анной тем временем текла неспешная шуточная беседа. Анна призывно смеялась, колыхаясь мягкой грудью. Но, сквозь суету собственных мыслей, я слышал их диалог и понимал, что только редкое искусство поддержания бессмысленной беседы, которым обладала Анна, позволяло поддерживать разговор. У неё в глазах стояла тоска, но Миша, с увлечением рассказывающий о том, что ему интересно, этого не замечал.

Моя соседка слушала их разговор и улыбалась краешками губ. Она размякла от алкоголя, выражение её лица утратило защитную колючесть. Она показалась мне ещё очаровательней с этими тёплыми бликами скрытой улыбки в холодных глазах. О чём она думала в этот момент? Я поймал себя на этой мысли и понял, что не хочу знать.

Я вовремя уловил поворот её головы и успел глубокомысленно уставиться в меню до того момента, как она перевела взгляд на меня.

Она с явным трудом завела принуждённый разговор про трудность выбора блюд. От звука её голоса я весь покрылся мурашками, а моя голова отключилась. Тогда я предложил ей выбрать самой. Она растерялась и сказала, что ей всё равно. Опротечиво. Тогда я выбрал то, что с большой вероятностью доведёт её до неменяемого состояния, но не вызовет отравления.

Я привлёк внимание официанта и заказал несколько коктейлей и пиццу. На противоположной стороне стола Анна не справилась с потоком сознания своего собеседника и уже минут пять откровенно скучала.

– У тебя очень интересная внешность, ты совершенно не похожа на местных девушек. Откуда ты родом? – невзначай спросил я. Надеюсь, это будет воспринято как комплимент. Но её ответ не порадовал меня: кто бы ни были её предки, родилась и выросла она здесь. А в первом же разговоре просить выложить своё родство до седьмого колена как-то невежливо.

Она задала мне тот же вопрос. Я ответил, что переехал из Ярославля. Больше ей было знать необязательно.

– Ого! Далековато! – удивилась она. – И что же тебя заставило сюда переехать?

– Обстоятельства, – уклончиво ответил я. Мне не хотелось ничем делиться с ней, тем более – моим прошлым.

– Какие, если не секрет?

– Секрет, – мне было плевать на её мнение обо мне. Только её настроение сейчас имело значение. Поэтому я попытался смягчить свой ответ, представив его шуткой.

Не помогло. Она надулась и упрекнула меня в том, что я её спровоцировал лезть в мне в душу. Ничего себе!

Я посмотрел на неё и засмеялся. Она попыталась нарушить мои границы, а когда я не пустил – она попыталась перевести стрелки и сделать виноватым меня.

И всё бы ничего, но нельзя же так пренебрегать законами логики! Даже если исходить из того, что я придерживаюсь тех же моральных законов, что и она (ты – мне, я – тебе), что, в принципе, не соответствует действительности, то всегда надо помнить: всё, что плавает, – не обязательно рыба. И если она сама разболтала слишком много, это не значит, что я ей расскажу то, что она хочет знать, о чём я ей вежливо и сообщил. Она смешалась и покраснела.

– Спасибо, – сказал я официанту и подвинул поближе к девушкам принесённые им коктейли. Миша заказал себе выпивку сам. – За прелестных дам, – я уставился на лоб Анны, старательно отводя глаза от зрачков её светлых глаз, направленных на меня, как дула двуствольного ружья.

Мы чокнулись. Саша выпила коктейль почти залпом, заливая бушующее внутри негодование. Конечно, сделать в присутствии одной дамы столь непрозрачный комплимент другой – это даже не неэтично. Не то слово. Для женщин такого уровня это просто бесчеловечно.

Чтобы хоть как-то поддержать разговор, я спросил у Саши, чем она занимается. Получилось грубо и натянуто, но вся эта компания вызывала во мне столько раздражения, а надежды на пользу от этой встречи было так мало, что сдерживаться становилось всё сложнее.

– В смысле, кем работаю? – уточнила она.

– Ну да. Или, может быть, хобби у тебя есть интересное, – да говори ты что угодно! Я смогу зацепиться, я смогу поддержать любой разговор, просто дай ему хоть какую-то почву!

Саша смущённо поведала о том, что работает официанткой, а на большее времени у неё не остаётся. При этом у неё был такой несчастный вид, что мне её стало жалко. Действительно, разве у неё большой выбор?

Она в ответ поинтересовалась моей сферой деятельности. Мне не хотелось ничего рассказывать про себя, поэтому я ответил что-то невразумительное и утешительное, что у меня дел, конечно, много, но все скучные и неважные. Она уныло ответила, что не может быть работы скучнее, чем работа официантки. Какая выпестованная жалость к себе! Наверное, тренируешься в этом занятии каждый день! Ошибаешься, девочка, тебя хоть всякие оригиналы развлекают. Поэтому я предположил, что есть профессии скучнее. Например, уборщик. Она отрезала, что с нашим жизненным опытом об этом рассуждать сложно. Я почувствовал уважение. Очень уж точным получилось замечание.

– Ошибаешься. Я много лет работаю кем-то вроде уборщика, – я сознательно напустил дыму. Не мог же я признаться, что перед ней сидит человек-муха по профессии и художник по призванию! Я не дурак, понимаю, что женщины таких сразу записывают в неликвиды.

Она недоверчиво вскинула на меня глаза. И тут я понял, какую глупость брякнул. Я расхохотался так искренне, что меня отпустило напряжение, впервые за сегодняшний вечер.

– Только сейчас понял, как глупо звучала эта фраза, – ну что же, мне интересно, как ты ведёшь себя, когда напугана. Я наклонился к ней и прошептал: – Я должен тебе признаться – я наёмный убийца.

– Шутишь? – она недоверчиво глядела на меня. Конечно, и я бы не поверил.

– Нет, но теперь ты слишком много знаешь, – я резко сунул руку в карман и сжал губы.

Её лицо побледнело, глаза увеличились и расплзлись во всё лицо. Ротик сжался, стал маленьким и по-детски беззащитным. Какая же она смешная... И красивая.

Я вытащил из кармана жевательную резинку и, хохоча, предложил ей. Краска начала медленно заливать её щеки. В глазах вспыхнули злые слёзы.

– Я не понимаю, по какому поводу ты веселишься, – тряским от гнева голосом сказала она. И снова отпила из стакана.

– Ну-ну, конечно, ты просто своего лица не видела! Мне показалось, или ты ужасно испугалась? – хохот ещё не утих во мне, поднимаясь, словно волны. Мне жутко захотелось её взбесить. Хотелось отомстить за свои нервы, которые я был вынужден потратить на неё, за то, что она так хороша снаружи и так отвратительна внутри.

– А мне показалось, что у кого-то шуточки дурацкие!

Она рассердилась. Но её здесь держала подруга, которая, хоть и скучала, но ещё надеялась на что-то. А это значит, что Саша будет терпеть мою компанию. А чтобы моё присутствие не горчило – она будет запивать его алкоголем.

Я не против.

Я подвинул к ней полный стакан.

– У меня созрел замечательный тост! За новые знакомства! До дна! – я допил стакан одним глотком. Очередная провокация. Но в этот раз она не поддавалась. Неужели сработал предохранитель?

– Саш, мы отойдём ненадолго. Пойдём потанцуем, хорошо? – Анна наконец-то смогла вытащить Мишу потанцевать. Я был этим сильно удивлён, ведь когда он танцует, он не сможет рассказывать ей все эти удивительно неинтересные истории.

– Хорошо, – негромко ответила Саша. Но Аня увидела её кивок и ушла в сторону танц-пола, подцепив под ручку Мишу.

«Да, не повезло тебе с подругой, – подумал я, глядя на Сашу. – Ты сидела, терпела меня, собственную неуклюжесть, отсутствие настроения – ради неё, а она ушла, оставив тебя с незнакомым мужиком. И ты даже понятия не имеешь, в какой опасности ты осталась».

– У тебя очень интересные глаза, – впервые я почувствовал, что могу сказать то, что думаю. – Такой красивый разрез при таком необычном цвете встречается редко. Неужели твоя мама была местная?

– Нет, она приехала из Сибири. У неё тоже был красивый разрез глаз. А отца своего я никогда не видела. Цвет, наверное, от него, у мамы были совсем другие глаза, – она невнятно потупилась и погрузилась, как пьяница, вспомнивший спившихся собутыльников.

– Был?

– Да, она умерла пару лет назад, – её подбородок начал дрожать.

– У каждой жизни свой срок, – осторожно сказал я. Нельзя ей давать расплакаться. У неё же от слез всё лицо опухнет!

– Да. Просто жаль, что он бывает так неоправданно короток, – первая слеза сорвалась с её нижних ресниц и разбилась о столешницу. Её нос начал распухать, но это только прибавило ей очарования, придало какую-то особенную трогательность и нежность.

– Тогда давай выпьем за тех, кто за свою короткую жизнь сумел подарить тебе такие красивые глаза, – я патетично и громко сказал свой тост, высоко подняв свой стакан. Всё же я не хотел потратить вечер на то, чтобы утирать ей сопли.

– Давай, – она, как маленькая, проследила за моей рукой, шмыгнула носом и переключилась на питьё.

Я, не притронувшись к своей порции, следил, как она, заглядывая внутрь стакана, как ребёнок, большими глотками выхлёбывала содержимое. Я понял, что она на грани той стадии опьянения, когда человек пьян настолько, что не может осознать, насколько он пьян. Именно сейчас было очень важно прекратить, потому что ей уже море было по колено.

Она отставила пустой стакан и икнула. Я пододвинул к ней остатки пищи.

– Ешь. Тут ещё много, я один не справлюсь.

Она, как послушная девочка, кивнула, взяла предпоследний кусок и лениво начала его жевать. Я изо всех сил пытался найти тему, которая не заденет и не расстроит её. Она была в идеальном для меня состоянии, нужно было подождать ещё минут пятнадцать – и она уснёт, как младенец.

– Ты знаешь, мне очень понравился этот город, когда я впервые сюда приехал. В нём есть какой-то домашний уют. Особенно в центре. Вроде большой город, а суеты нет.

– Ты, наверное, просто на окраинах не был. Там вся... суета. А в центре... в центре никому ничего не нужно. Просто игрушечные домики, кафешки... музеи ещё... вот...

– А ты живёшь ближе к окраине, да?

– Да нет... Я так... Ни рыба ни мясо... До центра идти совсем чуток... Минут пятнадцать, ну ладно, двадцать... Но удобно, с этим не поспоришь... А ты где? Живёшь, в смысле...

– О, я почти в самом центре. Говорю, приехал к вам в гости – и влюбился. Решил, что если перееду, то перееду только к вам.

– Да ладно тебе, город как город, – она седила зевоту в кулак. – Ничуть не лучше других...

Я немного размяк от алкоголя и внезапно почувствовал, что не должен делать то, что собирался. Я очень хотел завершить свой план, но в душе возникла странная нерешительность. Будто я хотел обрезать крылья птице. Ужасно хотелось, чтоб она радовала меня всегда своим присутствием. Но не погибнет ли она от этого?

И я решил дать ей последний шанс. Я понимал, что больше не будет такого удачного расклада. Но если сейчас, в минуту слабости и сомнения, я настою на своём, чем я лучше какого-нибудь помешанного?

Зачем я оправдываюсь перед собой? Я же знаю правду.

Правда в том, что, если я не дам ей шанс уйти, – я перестану себя уважать.

Я затаил дыхание и спросил:

– Может быть, ты хочешь потанцевать? Вон, Миша с Аней как зажигают, – я преувеличил.

Анна действительно двигалась красиво, грациозно и смело, Миша же ритмично топал в пол, не спуская глаз со своей новой знакомой, как застоявшийся жеребец.

– Да нет, не хочу... Я на этих... как их... шпильках, – она кивнула головой на свои туфли. – Скопычусь же, – она украдкой посмотрела на меня, проследила за моим взглядом и вздохнула. – Хотела бы я... как Анька... А не могу даже просто... Куда уж там – на шпильках вертеться...

– А чего ты хочешь тогда? – спросил я её. И замер.

«Просто скажи, что ты хочешь домой – и я, клянусь, тебя не трону. Я довезу тебя до дома, уложу спать и не трону», – пронеслось в моей голове.

– А чёрт его знает. Жить хочу, – она пьяно посмотрела мне в глаза. – Не существовать, как загнанная тварь, а жить, – она хрипло рассмеялась. – Прости... Я, кажется, слишком много выпила... Наверное, пора домой... Надо только Аньку предупредить...

Жить? Ты будешь жить на моём полотне, по-настоящему жить, я тебе обещаю.

– Давай я тебя отвезу?

– За... зачем? Я сама... на такси... – она с трудом поднялась, сделала шаг и чуть не упала. Я подхватил её. От неё пахло алкоголем и дешёвыми духами. Сквозь её платье я почувствовал тепло её тела, мягкость кожи с нежной прослойкой жира и упругое сопротивление мышц. Она даже на ощупь казалась ожившим совершенством.

Она, не смущаясь, босиком подошла к Анне. Её подруга перестала выписывать восьмёрки бёдрами и встревоженно нахмурилась. Но, как я и ожидал, она ещё не собиралась уходить. Значит, Саша поедет домой одна.

Подружки попрощались, и Саша, пошатываясь, вышла из клуба. Я взял с нашего столика недопитую бутылку шампанского и вышел за ней. Она стояла на углу и старательно тыкала пальцем в телефон. На неё уже начали поглядывать вышедшие покурить молодые люди. Я подошёл.

– Давай я помогу.

Она испуганно вскинула голову и, узнав меня, вежливо улыbnулась.

– Да нет, не нужно, я сама...

Правильно, девочка, не надо позволять волкам провожать тебя до дома бабушки. Но меня бояться не стоит. Я подарю тебе жизнь.

Я достал свой телефон и вызвал такси.

– Скажи свой адрес, – попросил я её, пока в трубке неслись короткие гудки.

Она жалобно промолчала и замотала растрепавшейся головой.

Правильно, девочка, ты умница.

– Хорошо, когда ответят, просто продиктуй адрес в трубку. Алло! Можно машину на угол Большой и Малой улиц? А пораньше, примерно через десять минут? Да, через десять минут устраивает. Куда ехать? Сейчас вам скажут, – я передал ей трубку, – диктуй!

Она взяла телефон и, отвернувшись от меня, тихим, как ей казалось, голосом продиктовала адрес. Я даже не вслушивался. Если я всё правильно понимаю, через десять минут у неё не останется сил сопротивляться. Стоило ли упоминать, что служба могла подать машину в течение трёх минут? Но три минуты – это слишком мало, чтобы её разморило.

Она положила трубку.

– Пойдём, сядем, – я кивнул на низенький заборчик по краю тротуара. Она кивнула. Я сел рядом с ней и отхлебнул шампанского. Она покосилась на меня.

– Не обращай на меня внимания. Я тебя посажу в такси. А то вон парни на тебя уже пялятся. А бутылка – вместо моральной поддержки. Правда, её нужно опустошить, а то... когда я буду делать красивую розочку, твоё платье может оказаться в вине.

Она хрипло хихикнула.

– Оно не моё. Оно Анино.

– Ну тогда совсем не годится портить чужую вещь. Поможешь?

Она пожала плечами и протянула руку. Сделала пару глотков.

– Всё, больше не могу.

– Спасибо. С остальным я справлюсь, – я поставил бутылку на асфальт. – Какой душистый воздух после сегодняшней жары, – я глубоко вздохнул. И начал дышать размеренно и глубоко.

– Да, – протянула она, вздыхая и невольно подстраиваясь под моё дыхание. Через пять минут она мягко навалилась на меня боком и уронила голову мне на плечо.

– Ты... не против? – заплетающимся языком спросила она.

– Нет, ничуть, – у меня у самого уже начала слегка кружиться голова от свежего воздуха. – Позволь всё-таки мне проводить тебя до квартиры.

– Угу, – невнятно сказала она, по-видимому, уже не соображая, на что согласилась.

* * *

Я с трудом вытащил Сашу из машины, не забыв забрать эти проклятые туфли, и старательно поддерживал её в вертикальном состоянии, пока обдумывал, что делать дальше. Она висела на моём плече, прижимаясь мягким тёплым боком, и идти явно не могла. Моя рука от напряжения медленно немела, оставляя всё меньше времени на принятие решения. Открыв дверь подъезда найденными в сумочке ключами, я рывком поднял её на руки. На меня пахнуло смесью алкоголя, духов и кисловатого запаха её кожи. Я чувствовал её тяжесть на своих руках, безвольность тела, движения грудной клетки и понимал, что схожу с ума от восторга. Да, конечно, к этому восторгу примешивалось и вождление, но сегодня у меня были другие планы.

У двери в квартиру я снова поставил её на землю и мысленно поблагодарил себя за находчивость: в сумочке лежал ещё и паспорт, в который я удосужился заглянуть. Иначе пришлось бы нам обоим ночевать на лавке перед подъездом. Открыв квартиру, я уронил босоножки на коврик у двери и сразу прошёл направо, в комнату, где уложил её на диван с разобранной постелью. Захлопнув входную дверь и оставив ключи в замке, чтобы случайный запоздалый гость не оказался неожиданным, я огляделся.

Она жила в маленькой однокомнатной квартире. Я сразу решил проверить на всякий случай все помещения, чтобы нам не помешала, например, терпящая с утра собака. В ванной комнате был изрядный беспорядок. Кое-где треснувшая плитка, ванна с жёлтым пятном слезшей эмали на дне. В ней стоял тазик с замоченными вещами. Металлические полочки и крючки уже начала точить ржавчина. Девчачьи пузырьки и баночки небрежно свалены в раковину.

Заглянув в кухню, я увидел пожелтевшие от времени шкафы, старые обои, крошечный стол, заваленный косметикой. В углу стоял уютный плетёный диванчик – единственная мебель, которая казалась новой. В раковине и на плите было пусто. Ради интереса я заглянул в холодильник. На верхней полке пугливо прижались друг к другу две баночки йогурта и коробочка плавленого сыра.

Похоже, мы сегодня здесь одни.

Я вернулся в комнату. Она лежала на боку, свесив ноги и руки с дивана. Её платье оказалось задрано почти до трусов, причёска растрепалась, а пятки были чёрными от хождения без обуви.

Она была и выглядела пьяной до отвращения. Но она была прекрасна в несовершенстве своей гармонией. Она была настоящая и живая. Я стоял над ней, и меня била мелкая дрожь от предвкушения. Как будто мне предстояло коснуться величайшего шедевра скульптуры, который до этого можно было увидеть только на картинке, ощутить собственной кожей гладкость холодного мрамора.

Ради такого стоило жить.

Я пошёл в ванную, отыскал какую-то губку и намочил её водой из-под крана. Вернувшись в комнату, взял её за тонкую лодыжку и губкой смыл грязь с подошвы. Взял в руки ступню, ощущая пальцами шероховатость пятки, поражаясь красотой её узкой ножки с высоким подъёмом. Но самыми восхитительными оказались длинные пальцы. Лак, чуть облупившийся по краям, покрывал чуть ассиметричные ногти. Вены на подъёме просвечивали сквозь кожу, рисуя синеватый узор.

Полюбовавшись, я смыл пыль со второй подошвы и отложил губку. Закинув её ноги на диван, я перевернул девушку на спину, чтобы было удобнее. Я изучал её тело, поднимаясь всё выше. Коснулся рукой полной, но упругой икры, проследил узор голубых вен до колена. Представил, какую форму икра примет при напряжении, как взбухнет мышца, оставляя ложбинку, параллельную кости. Я согнул её ногу в колене, изучая форму коленной чашечки, ощупывая косточки, наслаждаясь нежностью расслабленных сухожилий с задней стороны ноги.

Я коснулся её бедра. Под нежной кожей с едва заметными тёмными волосками чувствовалась упругая мягкость жира, а под ним – тугость расслабленной мышцы. Это было столь восхитительное тактильное ощущение, что я захотел коснуться её бедра щекой, но не посмел. Я чуть-чуть отвёл колено в сторону, открывая беззащитную внутреннюю сторону бедра. На ощупь мякоть была такой нежной, и мне показалось, если бы я поддался безумию и откусил кусочек, он бы растаял во рту, как сахарная вата.

Мой путь преградило платье, поэтому я переключился на руки. Я весь дрожал от восхищения этой потрясающей, живой красотой, я хотел её, как мужчина, хотел её съесть, чтобы она навсегда осталась со мной. Поэтому я позволил себе прижаться губами к её запястью в тщетной попытке почувствовать сквозь замшу кожи биение пульса. Я увидел вблизи тонкие пальцы с чуть выпуклыми ногтями, линии, избородившие ладонь, три резкие черты у запястья. Почувствовал носом спокойное, сухое тепло её ладони.

Я скользнул губами выше, вдоль нежных синих жилок, к локтевому сгибу. Я чувствовал запах её кожи, этот чуть горьковатый запах живого человеческого тела, который здесь был намного сильнее всех остальных, искусственных и неродных, запахов. Я приподнял голову, оглядывая мускулы плеча под бархатистой кожей. Попробовал представить, как выглядит эта рука в движении: крепкие, ладные мускулы затвердевают под кожей, сухожилия предплечья, как струны, натягиваются, заставляя двигаться ловкие, сужающиеся к кончикам пальцы.

Фантастическая красота.

Я отпустил её руку. Теперь она лежала на спине, согнув ногу в колене, отвернувшись лицом к стене. Я коснулся её волос. Они были спутаны, поэтому сразу же зацепились за мои шершавые ладони. Я решил попробовать распустить волосы, чтобы избавиться от ещё одного искусственного украшения, которое было совершенно ни к чему.

Я аккуратно ощупал причёску, вытаскивая все шпильки, которые попадались под пальцы. Удивительно, какое огромное количество железа женщины умудряются запихнуть себе в волосы! Резинка, которая скрепляла хвостик, оказалась тонкой и дешёвой на вид, и я решил её разрезать.

Теперь нужно было вытащить шпильки с другой стороны. Я повернул её голову и, посмотрев на лицо, расстроился. Поверх её красивого, чуть ассиметричного лица косметикой было нарисовано другое. Она напоминала фигурку из фарфора, которую отливали по созданным мастером формам, а раскрашивал не очень аккуратный подмастерье. Я попробовал стереть пальцем хотя бы помаду, но только испачкал руки.

Я пошёл на кухню. Всё-таки у женщин должны быть какие-нибудь средства, чтобы смывать всю эту грязь. Я поискал что-то подходящее в куче косметики на столе. Нашёл только ватные диски и, намочив их водой, вернулся в комнату.

Мне стало страшно. Прикосновение воды к лицу могло разбудить её. Но эта краска уродовала каждую чёрточку, делая её на свету почти неузнаваемой. Это была ещё одна допустимая вариация на тему, одно из сотен лиц, которые я был способен изобразить и без её присутствия. Значит, пан или пропал.

Я коснулся мокрой ватой её губ. Она поморщилась, мотнула головой и... не проснулась.

Я начал тереть её брови, губы и щёки, стараясь смыть эту ненужную маску. Маска сопротивлялась, размазываясь, при полной поддержке своей носительницы, которая даже сквозь сон умудрялась отворачиваться и отбиваться.

Я пару раз получил по носу, один раз мне заехали ладонью по уху и чуть не выбили глаз. Но я победил. И снова видел её саму, без прикрас. От насильственного умывания на её щеках расцвёл естественный румянец, и кожа потеряла нездоровую восковую желтизну.

Я вытащил из её волос остатки шпилек, не отказывая себе в удовольствии изучить её изумительное ухо с маленькой мочкой, которую немного портила растянутая дырочка. Оно как будто копировало изгибы чертёжных лекал. Самый краешек его был румяным. Я коснулся пушистой пряди у виска и завёл её за ухо. В одном этом ухе было больше чувственности, чем в самой смелой эротике.

Я посмотрел ей в лицо, отчаянно стараясь запомнить, впитать, вобрать в себя каждую чёрточку, вместе и по отдельности. Её высокий лоб с жилками на висках, изогнутые брови врзлёт с едва заметной морщинкой между ними, длинные ресницы, веки с красными складочками у внешних уголков, аккуратный нос и трогательный рот с красиво очерченными губами.

Я провёл пальцем вдоль подбородка, ощущая лёгкое сопротивление кожи и еле заметные неровности там, где мышцы крепятся к костям. Закрыв глаза, попытавшись воспроизвести в памяти её лицо. Теперь получалось чуть точнее. Но всё равно львиная доля её обаяния и красоты в воспоминании терялась.

Ничего, я успею. Я посмотрел на часы. Часовая стрелка ещё не начала клониться вниз. У меня в запасе есть ещё полночи и целое утро.

Я понял, что хочу увидеть её полностью. Всю её завораживающую красоту.

Ладони моментально стали влажными, а глотка сухой. Она была полностью в моей власти. Это возбуждало.

Я начал стягивать с неё платье. Её безвольное тело принимало странные и неудобные положения, отказываясь мне хоть немного помочь. Оно было нежным, мягким и неуклюжим, как тяжёлая пуховая перина. Я весь взмок от физических усилий, пока платье не обвисло мятой тряпкой у меня в руках.

Её тело было белым, покрытым лёгким пушком. Она лежала на спине, без подушки, под поясницей – сбитое в комок одеяло. В таком положении её рёбра и тазовые кости чуть-чуть выпирали под нежной плотью. Я провёл пальцами по коже живота. Возле пупка, выдавленного маленьким узелком на животе, она казалась почти прозрачной.

Я хотел видеть её всю.

Я обнял её тело и заставил сесть, положив голову себе на плечо. Мои руки дрожали – никогда раньше устройство застёжки женского бюстгалтера не казалось мне таким сложным.

Я несколько раз спокойно вздохнул и заставил себя успокоиться. Мало, что ли, я грудей видел в своей жизни?

Я откинул лифчик в сторону и снова положил её на спину. Саша раскинула руки, открыв моему взору нежную грудь. Она была маленькой, едва вполовину ладони, дивной формы, как капелька густого прозрачного мёда. Розовые ареолы окружали крупный спелый сосок. И только красные полосы на коже от слишком тугого белья портили мне эстетическое удовольствие. Я прижался щекой к одной её груди, накрыв ладонью вторую, лицом и рукой ощущая твёрдость её сосков и нежность молочной кожи.

Распрямившись, я стоял над ней и задыхался от вожделения и восторга. Я хотел её, до сумасшествия хотел, но важнее было другое. Важнее было моё желание понять, запомнить и воспроизвести её красоту.

Я хотел видеть её всю.

Я коснулся её простых чёрных трусов. И остановился.

Я понял, что если я сниму их, то просто не выдержу. Я просто изнасилую её. Эта возможность была так близка, она опьяняла и сводила с ума, но где-то на краю сознания притаилось какое-то гадливое чувство, которое сулило тяжкое похмелье. Я прислушался к нему. Оно шептало, что если я поддамся соблазну, то стану ничем не лучше тех, кого презирал, тех, кто стремится любой ценой удовлетворить свои мимолётные желания, отдавая этому всё, что имеют в душе.

Да и если быть честным, секс с бесчувственным телом не принесёт мне никакого удовольствия. Бесчувственное тело мне нужно было для другого.

Я собрал всю волю в кулак, отвернулся от неё и сел на стул рядом. Она лежала на свёрнутом одеяле, раскинув руки, согнув в колене одну ногу. Её голова была закинута, и пушистые волосы, словно речной поток, стекающий через край, свешивались с дивана. Не видел ничего прекраснее в своей жизни! Я снял пиджак, повесил его на стул, достал из внутреннего кармана маленький альбом для зарисовок и набор простых карандашей и начал рисовать.

Всё восхищение, вся страсть, всё желание перетекали в рисунок. Я делал эскиз за эскизом, стараясь поймать, пропустить через себя и воплотить заново каждую линию её тела. Её руки, её бедра, её грудь. И, конечно, лицо. Я рисовал, как видел, с закрытыми глазами и отсутствующим выражением лица. Пока так, пока я только изучал её.

Потом, когда немного освоился, я начал зарисовывать её полностью, стараясь немного уходить от того, что видел. Немного додумывать, фантазировать. Представлять, будто она не спит, а смотрит на меня из-под опущенных ресниц.

Но она лежала передо мной спящая, она спала так глубоко, что напоминала мёртвую. На моих рисунках она была мертва. Смотрела на меня мёртвыми придуманными глазами. Да, прекрасна, как может быть прекрасно бездушное тело. Я не успел удержать себя и нарисовал струйку крови в уголке её губ. Порезы на её бедрах. Я пропитал её кровью простыню. Вскрыл её грудную клетку и живот. Мне так хотелось раскрыть тайну её очарования, что я начал вскрывать её тело на бумаге.

Она пошевелилась, и я понял, что увлёкся.

Бежало время. За окном светлело. Рука становилась всё тяжелее и тяжелее. Веки начали слипаться. Когда я почувствовал тошноту от голода и усталости, понял, что нужно закругляться. В альбоме оставалось ещё несколько страниц, но у меня уже не было сил.

Я пролистал свои наброски. Везде была она – без всяких допущений и уточнений. Но на каждом она была мертва. Я смог нарисовать её тело, но выдумать для неё душу не смог. Я эту душу никогда не видел, не чувствовал, не знал.

За окном разгорался день. Автомобили появились на улицах, лениво и сонно следуя к своей цели. Солнце разгоняло ночную свежесть, обещая ещё один жаркий день.

Голова кружилась. Пора было уходить.

Но если я уйду – я никогда больше её не увижу. И всё, что мне останется на память, – это альбом, полный набросков её мёртвого тела.

А она хотела жить.

Глава 5

Тревога

Я проснулась на следующий день в своей квартире, почти голая, но стыдливо завёрнутая в одеяло. Я не помнила, как попала домой.

Голова раскалывалась, во рту был противный привкус. Я приподнялась на локте. Тело отреагировало тошнотой и слабостью. Я взяла со стула домашнюю майку и через голову натянула её на себя.

На кухне что-то загремело. Адреналиновый всплеск сразу заставил меня почувствовать себя настолько лучше, что я вскочила на ноги, схватила со стола настольную лампу и, держась за стеночку, прокралась на кухню.

На маленьком плетёном диване, чудовищно изогнувшись, чтобы уместиться на этом почти декоративном предмете мебели, спал Андрей. Переворачиваясь, он случайно смахнул с подоконника бутылку с водой.

Я провела рукой по оставшемуся на мне нижнему белью. Сухо. Ответ неочевиден.

Я опустила на табуретку и поставила лампу на стол.

Вся эта ситуация была странной. Но, в конце концов, он же спал на кухне! Да, только почему я тогда проснулась голой?!

А какая, собственно, разница?

Даже через муть тошноты и головной боли я почувствовала благодарность к этому незнакомому человеку. Не знаю, было ли что-то между нами прошлой ночью, но он вчера привёз меня домой, не стал смущать своим присутствием в моей постели и оставался неподалёку, пока я была в неадекватном состоянии...

Подозрительно хороший незнакомец.

Таких джентльменов не бывает.

Я поднялась, стабилизировалась в пространстве, подошла к диванчику и разбудила Андрея.

– Алло, просыпайся, доброе утро.

– А? Что? – он ошалело вскинулся, выцепил из пространства моё лицо и с тихим стоном прижал ладони к лицу.

– Совсем плохо, что ли?

– Да нет, всё в порядке, – он сел на диване. – Ты как? Когда я тебя привёз, ты была совсем плохая. Решил последить за тобой на всякий случай и вот... заснул. Думал, передам тебя с рук на руки кому-нибудь, а ты одна живёшь...

Я посмотрела на него с недоверием.

– Ты меня за дуру держишь? Что тебе надо было? Ты что-то украл?

– Нет, – он вскинул на меня оскорблённый взгляд. – Просто тебе было плохо. Рвало сильно. Я не захотел тебя бросить одну, а потом думать всю жизнь, не захлебнулась ли ты блевотиной в одиночестве.

Я покраснела от стыда. Неудивительно, что он спал на диване на кухне. Да и отсутствие платья теперь выглядит логично. Одно странно: почему я совершенно этого не помню?

– Прости. Если хочешь, я приготовлю тебе завтрак. Или иди поспи в комнате на нормальном диване.

– Нет, не надо. Я поеду. Ты живая, в порядке, сама о себе позаботишься, – он встал.

Я совсем сникла.

– Прости, что потерял со мной столько времени. Спасибо тебе большое за помощь.

– Да ничего страшного. Со всеми бывает, – он прошёл в коридор и начал обуваться. Я уныло потащила за ним.

– Мне правда очень стыдно, что так получилось, – и я не знала, что делать с этим.

– Забей. Только подай мне, пожалуйста, пиджак. Он в комнате на стуле висит, – я, сгорбившись, ушла в глубину квартиры и вынесла ему пиджак. Он быстрым движением надел его. – Спасибо.

– Я не могу, стыдно очень... Так напрягать чужого человека... – я исподлобья глядела на то, как он пытается справиться с замками на входной двери.

– Ладно, тогда дай мне свой телефон. Теперь будешь моим джинном по вызову на одно желание. Обещаю, что не стану злоупотреблять, – он прекратил терзать замки, сунул руку в карман и протянул мне свой телефон.

Я удивлённо посмотрела на протянутый мне аппарат, а потом вскинула на него глаза, не понимая, какую игру он затевает.

– Ну что смотришь? Я же пообещал – никаких неприличностей, – он качнул рукой.

– Я просто не понимаю, какое твоё желание я могу выполнить? Я же не олигарх какой и не зубная фея... – сказала я, тупо пялясь на зажжённый экран.

– Ты же официантка? Можешь напоить меня бесплатным кофе, например. Или однажды ночью забрать меня пьяного из бара. Добро за добро.

Я смотрела на телефон и понимала, что всё это мне совсем не нравится. Но за свои слова и поступки следовало отвечать. Да и обмен номерами ещё ни к чему не обязывает. Если он попросит что-то недопустимое – пусть хоть трубку оборвёт, не поведусь.

Всё абсолютно безопасно, если не считать того, что он знает, где я живу.

Ну ладно, со мной ещё не такое случалось. Это ещё цветочки.

Я со вздохом взяла в руки его телефон и записала свой номер.

Он спрятал аппарат и снова начал возиться с замками.

– А ты мне свой телефон не дашь? – удивилась я.

– Зачем? Это ты мой джинн, а не я твой, – усмехнулся Андрей и вышел из квартиры.

А я, вздохнув, отправилась на кухню лечить больную голову. На душе стало легче от осознания того, что всё, что я осталась должна этому странному человеку, – это одно желание. Несмотря на все неприятности, которые произошли со мной за последние сутки, меня изрядно развлекли подобные приключения.

* * *

Прошло несколько недель, жизнь вернулась в привычную колею, снова потянулась череда тревожащих ночей, которые я проводила на работе, и сонных, наполненных непритязательным досугом дней. Осень наступила тёплая и ясная. Каждое утро, возвращаясь с работы, я шла через сквер, залитый солнечным светом и наполненный золотом опадающих листьев. По пути я глядела себе под ноги, выискивая красивые листья, чтобы засушить дома между страниц толстенной энциклопедии. К концу осени у меня обычно собиралось много листьев, которые стояли до весны в тонкостенной стеклянной вазе с узким горлышком, такой же хрупкой и нежной, как и собранный мною букет.

Я помню, как в детстве мы с мамой гуляли в парке и собирали кленовые листья, выбирая самые красивые. Вечером, когда мы возвращались домой, она доставала с полки большую энциклопедию, где на тысячах тонких и ломких страниц был напечатан миллион никому не нужных фактов. Книга пахла старой бумагой и пылью. Мы вкладывали листья между страниц, и к запаху бумаги и пыли примешивался сладковатый запах прелой листвы. Листьев было так много, что книга не закрывалась до конца и лежала скособоченная, с мятыми страницами – до тех пор, пока листья не становились сухими и тонкими, как страницы этой энциклопедии.

На Пасху я отвозила собранный осенью букет на могилу матери. На кладбище совсем не росли деревья.

Я была счастливым ребёнком. Да, у меня не было полной семьи. На самом деле у меня вообще не было семьи в полном понимании этого слова. Единственным моим родным человеком была мама. Когда-то она была очень весёлой. Я до сих пор вспоминаю её проказы и шалости, на которые она была горазда, когда я была совсем маленькой. Но годы жизни в одиночестве, под постоянным гнётом болезни, с маленьким ребёнком на руках сделали её характер жёстким и требовательным. Результатом перегрузок стали постоянные раздражительность и усталость. Я была счастливым ребёнком. Подростком я стала послушным.

Потому что нельзя было доставлять маме слишком много хлопот и волнений. Я любила маму и не хотела делать ей больно, но, к сожалению, у меня не всегда получалось. Иногда я взрывалась и устраивала истерики. Но каждый раз, когда я приходила просить прощения за своё поведение, мама с трудом его принимала, потому что каждый мой срыв был ударом по её здоровью, так как в результате сильных переживаний обострялся диабет, которым она болела с детства. И каждый раз я чувствовала себя предательницей, почти убийцей, и ненавидела себя за это. Но через некоторое время напряжение внутри нарастало, и я срывалась снова.

Я очень хотела быть хорошей дочерью, но на самом деле была просто ужасна.

А потом... Потом всё закончилось. Инфаркт. Мне было восемнадцать лет, когда её не стало. И у меня не осталось никого. Только воспоминания о счастливом детстве и огромная вина за то, что я была плохой дочерью.

И теперь это ничего не изменит: ни свечки в храме за упокой, ни букеты из сушёных листьев на могиле. Но я всё равно ставила свечи и сушила листья в старой энциклопедии в надежде на прощение.

Дни постепенно становились короче, а воздух – холоднее. По пути на работу я наслаждалась красивейшими закатами. Такие красочные закаты бывают только осенью. Но ночные смены стало очень трудно переносить. Почти весь световой день я спала, обрекая себя на подобию полярной ночи. Говорят, на севере зимой люди сходят с ума от отсутствия солнца. Охотно верю.

Из-за отсутствия солнца организм переходил в режим строжайшей энергетической экономии. Мне больше не хотелось ничего – кроме самых простых мелочей. Сигарета, выкуренная у открытого окна. Кружка кофе перед выходом на работу. Уютный диван после тяжёлой смены. Почитать новости в интернете между делом. И больше ничего.

В один из дней в наше кафе заглянул Андрей. Я долго ждала его звонка, беспокоясь из-за данного обещания: мне ничего не хотелось делать для него, с одной стороны, а с другой – я ужасно не любила оставаться в долгу. Но он как в воду канул. И я постепенно расслабилась и забыла про него. О нём не было ни слуху ни духу дольше месяца – и вот тебе!

Когда я увидела его за столиком, меня сначала одолели сомнения, он ли это – я почти забыла, как он выглядит. Но он пристально смотрел на меня с едва заметной улыбкой. Было что-то неприятное в этой улыбке, как будто он знал что-то постыдное про меня. Я сначала расстроилась и разозлилась, а потом мне внезапно стало смешно. Неужели должно быть стыдно за то, что мне было плохо, а он оказался в этот момент рядом?

Я, шуточно чеканя шаг, подошла к его столику, запустила руку в карман фартука, выудила оттуда блокнот, эффектным движением открыла его, нацелила карандаш на свежую страничку и, чуть согнувшись в поклоне, спросила:

– Чего изволите?

Андрей принял мою игру: приосанился, тяжело опёрся рукой на далеко отставленное колено.

– Изволю чашку чёрного кофею и французский круассан.

– Это и есть ваше желание? – я обрадованно улыбнулась.

- Э, нет... Ишь какая хитрая! Нет, это заказ вашему кафе.
- Нет у нас круассанов, – я немного убавила энтузиазм. – Только кексы и мороженое.
- А кексы вкусные?
- Да, очень свежие, с изюмом, мне нравятся.
- Тогда кофе, мороженое и кекс.
- Сейчас принесу.

Я передала заказ на кухню и пошла обслуживать другие столики. Принимая заказ у пожилой пары, я чувствовала спиной взгляд Андрея. Настойчивый такой взгляд. Мне стало неуютно, и я нервно оглянулась. Он сидел и смотрел на меня, уже без улыбки, с каким-то напряжением во взгляде.

- ...и чай с малиной, – мужчина закрыл меню и протянул его мне.
- Не могли бы вы повторить? Я вас не услышала.

– Я сказал: принесите нам горячее молоко, блинчики со сгущёнкой и чай с малиной, – ответил мужчина с раздражением. – Неужели нельзя повнимательнее? Почему я должен повторять...

– Извините, пожалуйста, – я вежливо прервала старика. – Ваш заказ будет готов в течение нескольких минут. Вам оставить меню?

- Да, оставьте, пускай будет.

Я ушла на кухню, передала заказ и, приоткрыв дверь в зал, выглянула в щёлочку.

Андрей сидел, смотрел в окно и хмурился. Какой-то он озабоченный, в прошлый раз явно был веселее. И в прошлый раз мне показалось, что он моложе...

Он перевёл хмурый взгляд на дверь кухни, и я прикрыла дверь, прислонившись спиной к стене. Откуда он знает, что я здесь работаю? Что ему нужно? Зачем он пришёл сюда? Вообще-то работать под таким пристальным вниманием достаточно неприятно. Мне ужасно не хотелось возвращаться в зал. А с другой стороны, какая мне разница? Пока он не озвучил своё обещание – я свободна. Пускай смотрит, сколько вздумается, от меня не убудет.

– Заказ для пятого столика, – густой бас Сан Саныча прервал мои раздумья. – Давай быстрее, кофе почти остыл.

– Ага, – я подхватила поднос и вышла в зал, где снова наткнулась на напряжённый взгляд Андрея, тщательно выдаваемый за добродушный.

– Прощу, – я разгрузила поднос на столик перед ним. Андрей внимательно следил за каждым моим движением. Это невероятно раздражало. Я чувствовала себя как на экзамене: казалось, будто каждое моё движение оценивают.

- Спасибо, – сказал он и отпил из чашки.
- Хотите заказать что-то ещё? – да скажи, в конце концов, что тебе надо!
- Нет, спасибо, – ответил он, не глядя на меня. – Не могли бы вы меня сразу рассчитать?
- Конечно.

Пока я забивала в базу заказы и обслуживала ворчливого деда, Андрей выпил кофе, поковырял ложечкой мороженое, хмуро глядя в окно. Когда я принесла ему счёт, он вложил купюры в книжечку и, накинув куртку, ушёл.

Я собрала за ним грязную посуду. Он выпил кофе, съел чуть-чуть мороженого, а к кексу даже не притронулся. Вздохнув, я заглянула в книжку с чеком. В ней была сумма вдвое большая, чем сумма заказа.

– И зачем приходил? Только продукты зря перевёл, – проворчала я себе под нос, засунув чаевые в карман. – Но с паршивой овцы хоть шерсти клок...

На следующий вечер Андрей снова пришёл в кафе, сел за свободный столик и начал сверлить меня взглядом. Я старательно игнорировала его присутствие, и к нему подошла Галя. Они обмолвились парой слов, и она направилась ко мне.

– Саш, тот мужчина у окна попросил, чтобы его обслуживала именно ты, – Галя выглядела расстроенной и сердитой. – Впервые встречаюсь с подобной наглостью. Иди, твой клиент.

– Здравствуйте, – намеренно официально поздоровалась я. – У вас можно принять заказ?

– Да. Чашку кофе, мороженое и кекс, – невозмутимо ответил он.

– Можно забрать меню?

– Да, конечно.

И снова он просидел не больше пятнадцати минут, выпив только кофе и поковырявшись в мороженом. В книжке оказалась та же сумма, что и вчера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.